ГЕРВАСИЙ ПСАЛЬМОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

УДК
ББК
Г

Издание подготовлено в рамках научно-исследовательского проекта «Сочинения Гервасия Псальмова: подготовка текста, исследование, комментарий» № 13-14-67002, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда по результатам регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее» 2013 года

Издание осуществлено при финансовой поддержке Администрации Смоленской области и Благотворительного фонда по восстановлению Спасо-Преображенского Авраамиева мужского монастыря города Смоленска

Издание подготовили
иеромонах Хрисанф (Шадронов), Л.В. Павлова,
И.В. Романова, В.С. Ковалева

Иллюстрации В.И. Чертковой

Гервасий Псальмов
Стихотворения/ Г. Псальмов. – Смоленск: Свиток, 2013. – 160 с.

ISBN

В настоящее издание включены избранные стихотворения Гервасия Псальмова (1848–1900). Его жизнь была неразрывно связана с родной смоленской деревней: крестьянские заботы, преподавание в школе, руководство церковным хором, что нашло отражение в его творчестве. Предыдущее издание сочинений поэта состоялось в 1914 году и давно стало библиографической редкость. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК

ISBN

© Г. Псальмов, 2013
© Оформление. Издательство «Свиток», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Иеромонах Хрисанф (Шадронов), Л. Павлова. «Этой жизни ярмо многотрудное»: о поэте Гервасии Псальмове....8
«Безделья скуки я не знаю...» 15
Голос....16
Весна идет....17
За пашней....19
Пахарю....20
Гроза....22
Вешний день....23
Романс....24
«До свиданья»....25
Ты помнишь ли?....27
Ночь....28
Песня....29
Песня косца....30
Из прошлого (картинка)....31
Воспоминание....32
Свободная птичка....33
Монолог селянина....34
Горькая правда (ученикам начальной школы нашей местности)....37
Совет сироте....40
Песня сироты....43
«Роду-племени нет...» 44
Утро....45
Песня....46
Нива бобыля....47
Солнце и месяц....48
Могилка....49
Кукушка....50
Песня («Тиха вешняя...») 52
Вешний вечер....54
К ней....56
Птичка в клетке....57
«То-то жизнь хороша!..» 58
На родине....59
На чужбине....61
Встреча....62
Фиалка....63
У портрета....64
«Юность, золотое время!..» 65
Весна («Вот и снова весна золотая...») 66
Утро весны....67
На коронование Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича....68
Молитва за Царя....69

«Забытый всеми в горькой доле...» 70
Пахарь.....72
Акростих.....74
Эпитафия.....74
Томительная дума 75
«В свод ли неба смотрю...» 76
«Молитву пролию ко Господу».....77
Школьная жалоба.....78
Нарцисс.....79
«Что, мой чижик милый, скучен?..».....80
Ученикам начальной школы.....81
На погосте.....83
Раздумье.....84
«В сердце холодном тоска залегла...» 85
Почему?.....86
Весенний мотив.....87
«Тяжелый крест мне дан судьбою...».....88
Ночью.....89
Поэту.....90
Преосвященнейшему Нестору, епископу Смоленскому (прошение в стихах)....91
Ему же.....93
Смех сквозь слезы.....94
Подруге.....95
Жене.....96
Ей.....97
«Поле озимью...»..... 98
Из порванной тетради.....100
К Н. Псальмовой.....103
Романс.....104
Юность.....105
Песня горя.....106
Дума.....108
«Яд жгучей скорби жизни под грозою...»..... 108
Призрак смерти.....109
Будущим пастырям (воспитанникам Смоленской духовной семинарии)....110
Поздняя гроза.....111
То же.....113
Богоматери.....114
Н.В. Псальмовой 115
После болезни.....117
Отцу З.И. Зезюлинскому.....118
М.М. Ам..... кому.....119
М.Н. Каменцевой.....119
Жалоба.....120
Осень.....121
Ночь под Рождество.....122
Тропарь Богоявления.....124
Прощеный день.....125

Дума во время прогулки....126
Весною 127
Покаяния отверзи ми двери....128
На спасения стези....129
Множество лютых....130
У плащаницы....131
Ночь под Светлое Воскресение....133
Утро Пасхи....134
На Пасху....135
Пение....137
На отдание Пасхи....138
«Полоска родная! Как часто и щедро...»....139
В келье....140
«Девятнадцатый век...»....141
Бой часов....142
Моему собрату....144
В минуту грусти....145
Горькие думы....146
«С жестокою своей судьбою...»....147
«В ночь непогодную, в ночь непроглядную...»....148
На жизненный путь (воспитанникам народной школы)....149
После экзамена....150
Раздумье....151
При раскопках Покровского храма....152
Духовнику о. Захарию Зезюлинскому....154
Перед смертью....155
«Друзья-враги, пришла пора...»....156
22 сентября 1900 года....157
Жнице.... 158

«ЭТОЙ ЖИЗНИ ЯРМО МНОГОТРУДНОЕ»: О ПОЭТЕ ГЕРВАСИИ ПСАЛЬМОВЕ

... душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.
Владислав Ходасевич

Поэт, педагог, певец и регент хора, живописец, резчик по дереву, а еще было столярное дело, умение составлять и читать чертежи, занятия иностранными языками и многое другое.

Людям, столь щедро наделенным разнообразными способностями, как был ими наделен Гервасий Ефремович Псальмов, казалось бы, уготован блестящий путь, ведущий к признанию. Об этом пути, с его поворотами, провалами, взлетами, мучительными поисками, потом напишут биографы, и выйдет книга в серии «Жизнь замечательных людей».

О Гервасии Псальмове такой книги нет и, возможно, не будет.

В его судьбе многое способно заинтересовать будущих биографов – одно то, что он был крестьянин, и не только по рождению, но и по образу жизни, проведенной в глухой смоленской деревне, могло бы стать хорошей основой для рассказа о силе преодоления, свойственной таланту. Но в жизни этой отсутствует главное, обязательное для написания увлекательной биографии, – триумфальный финал, ради которого есть смысл преодолевать то, что выпало преодолеть. Без такого финала неинтересным, даже ненужным кажется и сам путь – и не сделать из его описания образца для подражания и восхищения.

Гервасия Псальмова давно нет на свете, и то, что было, невозможно переиначить, добавив ярких красок и похвал. Но если у поэта есть хотя бы один сочувствующий читатель, его творческий путь не завершен. С недавних пор стихи Псальмова стали появляться в печати, «проросли», словно семена, дождавшиеся своего срока. Слово поэта пробивается сквозь столетие, а значит, наделено некой удивительной силой, противостоящей безразличию и забвению.

* * *

Гервасий Псальмов родился 12 октября 1848 года в деревне Андроновка Бельского уезда Смоленской губернии[1], затерявшейся в лесах вдалеке от центральных дорог и больших городов.

<...> Мое рожденье
Осенний холод, серый день
Встречали да тумана тень
Густая – знаки горькой доли...

[1] Ныне – Сафоновский район Смоленской области.

С раннего детства овладела им мечта, разительно отличавшаяся от обычных крестьянских желаний и дел, – учиться. Мечта прекрасная, но, казалось, несбыточная. В семье с трудом сводили концы с концами. На шубу и валенки для маленького ученика денег не было, а без них зимой до соседнего села Васильевского, где находилась школа, хоть и рядом, а не добежишь.

Освоить грамоту помог случай – один добрый человек из местных жителей бесплатно обучил мальчика чтению и письму. В настоящую школу он попал только в одиннадцать лет.

Школа стала для будущего поэта величайшей радостью, озарившей темноту и скудость крестьянского быта. В сырой избе с убогой утварью, где дуло из щелей и текла крыша, где нечем было дышать, потому что здесь же держали овечек и теленка, был заветный уголок – на полатях:

Там я учил свой урок.
Там же решал и задачу
Углем на дранке простой.
Дело не клеится – плачу,
Как над бедою какой!

Стремление Гервасия учиться, его способности заметил смотритель народного училища священник Константин Филиппович Солнцев (1825 – 1892). Личность отца Константина, его внимание и помощь благотворно подействовали на мальчика. Он учился с неослабевающим интересом и усердием, много читал, сочинял стихи, пел в церковном хоре, за что учитель удостоил его звучной фамилии – Псальмов.

Успехи в учебе были столь заметными, что в тринадцать лет с небольшим Псальмову доверили учить грамоте крестьянских детей и даже назначили жалование – двенадцать рублей в год.

Прошло немного времени, и, несмотря на юный возраст педагога, его талант и рвение были замечены и поощрены похвальным листом за «обучение крестьянских мальчиков грамоте и за особенное усердие к церкви Божией», подписанным епископом Смоленским Антонием.

В родной школе Псальмов учительствовал до конца своих дней. Во многих стихотворениях он пишет о пользе учения, о своих учениках, о трудном быте сельского учителя:

В сельской школе неизвестной
Я в лачужке грязной, тесной
У стола сижу в углу
На разломанном стулу.
В кабинете-кухне-спальной
С крепкой думою печальной
Размышляю про свое
Горемычное житье...

О том, чтобы продолжить образование, речи быть не могло – семья так и не выбилась из крайней бедности, а когда в 1870 году умер отец, а вскоре и мать, Псальмову пришлось взять на себя заботы о хозяйстве, о больной сестре:

Не до сладких речей,
Лишь поесть бы скорей,
Да в постель, будто сноп, повалиться...
Отдохнуть часа три,
Да и встать до зари,
Чтобы снова день целый трудиться.

Для того чтобы расширить кругозор, обрести новые знания, оставался только один путь – самообразование, коим Псальмов занимался постоянно и усердно. Он изучал труды отцов церкви, русскую и всеобщую историю, географию, физику. Окружающих поражало его знание французского, немецкого, латинского, греческого языков, попытки освоить древнееврейский язык.

Сохранились свидетельства о переписке Псальмова с видным общественным деятелем и педагогом Сергеем Александровичем Рачинским, который помогал бедному сельскому учителю учебными пособиями и небольшими денежными пожертвованиями. Именитому и высокообразованному соседу Псальмов посылал свои стихи, надеясь если не на помощь в их издании, то на участие и дружескую оценку.

Заниматься тем, к чему лежала душа и влекся разум – книгами, сочинением стихов, музыкой, – Псальмов мог лишь урывками. Приходилось заботиться о хлебе насущном, силы и время без остатка отнимал земледельческий труд:

<...> Все лето, занятый работой,
Усталый за день трудовой
И угнетаемый заботой,
Тащуся с поля я домой
Вздохнуть и укрепиться малость...
И вот волнение – писать!
Но... вдруг зовут... какая жалость!
Бросаю все, иду опять...
Иду, спеша, на жатву в поле,
Пыл остывает – и сюжет,
Бледнея, тает поневоле...
И жалко, грустно, силы нет!

Наградой за годы одиночества и изнурительного труда стала встреча с удивительной девушкой. Уже одно ее имя сулило утешение и радость – На-

дежда. Приехавшая из Москвы погостить в деревню к знакомой помещице, она сразу приметила молодого человека, вдохновенно управлявшего церковным хором:

Какое чудное несется пенье!
Взор никнет долу. Грудь моя полна
Восторга, пламенного умиленья.
А пение, как тихая волна,
Благоухая, бесконечно льется...

Девушку глубоко тронула судьба человека незаурядного, ищущего достойного приложения своих творческих сил, но стесненного сверх меры жизненными обстоятельствами. Чувство сострадания окрепло в душе, переросло в любовь. В 1878 году они поженились.

Что мог предложить Псальмов своей избраннице – городской барышне, дочери полковника, хорошо образованной? Тяжелый быт, бесконечные заботы о хлебе насущном, неизбывную бедность... Терпение жены, ее доброта восхищали, но и внушали непреодолимое чувство вины, усиливая собственные страдания:

Но слышал я твои рыданья
В ночной безмолвной тишине
И видел я твои страданья...
И горько, больно было мне...

Надежда Вячеславовна Псальмова, сколь трудно ни было ей, непривычной к такой жизни, с избранного пути не свернула, не отреклась от своего выбора. Ангелом, ниспосланным с небес, и путеводной звездой во мраке жизни называл ее поэт.

Жена разделяла труды Псальмова и поддерживала все начинания, неизменно оставаясь сочувствующим читателем его стихов.

В этих стихах повествуется об одаренном, стремящемся к разумной и творческой жизни человеке, которому суждено нести крест тяжелых физических трудов и страданий. Голодная, но преисполненная светлыми надеждами пора детства. Страсть к книгам. Любовь к своим ученикам и осознание нужности того, что делаешь. Срывы и падения. Любовь и неизбывное чувство вины перед женой. Искреннее служение церкви.

Созданный Псальмовым поэтический мир существенно отличается от образа русской деревни и от образа русского простого человека, выстроенного трудами плеяды признанных крестьянских поэтов: А. Кольцова, И. Сурикова, И. Никитина и др. Очевидное сходство, послужившее поводом немногочисленным критикам-современникам безоговорочно записать Псальмова в ряды их последователей, объясняется не столько

подражательностью его поэзии, сколько общностью реалий деревенской жизни: сельскохозяйственные работы, нужда, пьянство, особенности общения, церковные праздники, красота природы. Но общность описываемых событий и явлений не повлекла за собой единодушия с «народными» поэтами в воссоздании этих событий, явлений, чувств и дум.

Объемность, внутренняя напряженность поэзии Псальмова связана с непреодолимой двойственностью созданного им образа автора: сущность личности – поэт, форма существования – крестьянин:

Едва имея десять лет,
Работал я уже на поле.
В душе мечтатель и поэт... –
Ах, как я полюбил природу
С ее волшебной красотой,
И как я рвался на свободу,
И все ж остался за сохой!

Осознание этой двойственности порождает горечь, порой жалобы на жизнь, недоумение, но драматизма в его крайних проявлениях в стихах Псальмова нет. Напряженность дилеммы «поэт – крестьянин» смягчается, а точнее, снимается существованием еще одной личностной грани, воспроизводимой Псальмовым в образе автора.

В стихах Псальмова отсутствует тема социальной борьбы, психологического бунта, автор культивирует иной принцип отношения к трудностям жизни – осмысленное терпение. Он описывает жизненные тяготы, но не тяготится жизнью. Подобное отношение характерно для верующего человека. Вера в Бога – это и есть третья основная составляющая образа автора у Псальмова, уравновешивающая, примиряющая две других.

Поэт воспроизводит особый тип религиозного сознания, целостный и выписанный последовательно и тщательно. В любом деянии: будь то работа в поле, занятия с учениками, руководство церковным хором, сложение стихов, – есть осознание высшей предусмотренности:

<...> не бойся труда!
Так предписано, знать,
В вечной книге Творца:
Он велел добывать
Хлеб-то в поте лица.

У большинства крестьянских поэтов Бог поминается как неотъемлемая тема жизни русского народа, у Псальмова вера – это основополагающее начало его художественного мира в целом, где, с одной стороны, скорбь и томление по иной жизни, смертельная тоска, а с другой – «Да будет воля Твоя».

Любые попытки Псальмова издать свои сочинения сталкивались с непреодолимыми препятствиями – связей в литературных кругах, которые могли бы поспособствовать изданию, у Псальмова не было, как, судя по всему, не было и желания приспосабливаться к новомодным веяниям своего времени:

<...> злой рок без сожаленья
Возьмет да бух... мои творенья
Все в Лету.
И смерть им всем в реке забвенья,
Где быть и мне, рабу терпенья,
Поэту.

Несколько его стихотворений были опубликованы в последнее десятилетие XIX века.

В это время у Псальмова обострилась запущенная болезнь, лечение не помогло.

В одном из своих писем он сетовал на то, что не имеет возможности отдохнуть, чтобы собраться с силами и справиться с болезнью: «Доктора советуют <...> покой и не работать, ничего тяжелого не поднимать, то есть то, чего мой образ жизни выполнить не позволяет. Несмотря на слабосилие и боль, я все-таки покос убрал кое-как; сена много и хорошего качества <...>». Главное, о чем сожалеет Псальмов, – это невозможность заниматься поэтическим творчеством: «Действительно, мне нужен покой или труд умеренный и посильный, а не воловий, который удручает всех крестьян в страдную пору... Тогда я как раз написал бы что-либо порядочное и отдохнул бы душой; да то и горе, что нет возможности: без хлеба будешь, а я привык все необходимое добывать личным трудом. Помочь или заменить меня некому: нет родных, никого, кроме единственного на всей планете милого друга-жены, да она сама слабенькая и работать в поле не может».

Это письмо было написано 2 августа 1900 года. Через два месяца Гервасий Ефремович Псальмов умер.

Похоронили его возле церкви села Васильевского. Могила не сохранилась. Разрушена и сама церковь. Детей у Псальмовых не было. Вскоре после его смерти ушла в монастырь жена, следы ее затерялись. Казалось, образ этого удивительного человека безвозвратно канул в небытие.

***

В 1914 году произошло событие, неожиданное и даже необъяснимое, но столь желанное в свете традиционного представления о необходимости счастливого финала, хотя бы в виде посмертного признания. Без малого

через пятнадцать лет после смерти поэта вышло в свет «Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова». Это внушительный том, в котором свыше двухсот стихотворений разных жанров и тем. Такая книга способна представить поэта широко и разносторонне, его оценят, признают талант...

Ничего этого не случилось. Грандиозные перемены происходили в те годы в России, безвозвратно менялся ее облик, прошлое отдалялось с немыслимой скоростью. «Промедление» прихода Псальмова к читателю оказалось катастрофическим, ведущим к поэтическому небытию.

Поэзия Псальмова могла стать ярким дополнением к образу деревни, созданному во второй половине XIX века трудами Тургенева, Некрасова, Глеба Успенского, поэтов-народников. Дополнение это могло быть существенным, поскольку в отличие от большинства авторов, с любовью писавших о деревне и искренне радевших за светлое будущее крестьянина-труженика, для Гервасия Псальмова крестьянский образ жизни был не только темой творчества, но и судьбой.

С позиций сегодняшнего дня можно рассуждать и предполагать, что произошло бы, если стихи Псальмова были бы изданы своевременно, если получил бы он помощь и ободрение, подобно тому, как в свое время получил Алексей Кольцов от Белинского. Но, думая не о том, что могло быть, а о том, как сложилась жизнь Псальмова, следует признать ее наполненной высоким смыслом и достойной памяти.

Всем способностям, дарованным ему свыше, Гервасий Псальмов нашел применение, какими бы неуместными ни казались они в крестьянской среде. Он создал прекрасный хор и сочинял для него музыку, писал иконы, обучал грамоте детей, переводил европейских поэтов и слагал стихи. Он «не зарыл свой талант в землю»: посылал стихотворения в различные журналы, ожидая оценки, профессионального совета. Не получая ответа, продолжал работать. Он умирал тяжелой смертью, испытывая мучительные боли, но даже когда надежда на жизнь угасла, сила творчества была жива, источник вдохновения не иссяк – последние стихотворения написаны за несколько дней до кончины.

Если мерить этой мерой – высшей творческой правды, то путь Псальмова в литературе уникален. Его поэзия, возможно, окажется востребована именно сейчас, когда из небытия возвращаются не только стихи, но, словно из-под спуда, все те ценности, которые были дороги поэту.

Иеромонах Хрисанф (Шадронов),
Лариса Павлова

* * *

Безделья скуки я не знаю,
И праздной лени я далек:
Я хлеб трудами добываю
И свой имею уголок.
Я сам-большой, в дому свободный,
Но жизнь моя полна тревог,
Забот, нужды ли неисходной...
Увы, я беден, одинок.
Далекий гордости сословной,
Я православный мужичок,
Я не имею родословной:
Мой род забытый невысок.
Живу на свете я не даром:
В свободный от трудов часок,
Объятый вдохновенья жаром,
Плету на гроб себе венок.
Венок мой скоро ли завянет,
Вплету ль еще в него цветок?
И скоро ль смерть ко мне нагрянет? –
Не знаю... Я ведь не пророк...

ГОЛОС

Я коня ль со двора
Пахать в поле веду
Или рано с утра
С косой острой иду
В луг, облитый росой.
Помолясь на восток,
Работáю ль с косой;
С травкой нежный цветок
Я гублю наравне.
Голос вдруг надо мной
Все мерещится мне,
Повторяет мне: «Пой!»
– Ветерок ли чуть-чуть
Мне прохладой пахнет,
Освежит мою грудь
И траву всколыхнет.
Обращу ль взор очей
К отдаленным кустам –
Слышу ль: тихо ручей
Что-то шепчет цветам.
Птичек нежная трель,
Песня девы младой
И пастушья свирель
Повторяют мне: «Пой!»
В своде ль неба горит
Солнца луч золотой,
Или весь он покрыт
Темно-синею мглой,
Грозно буря гудет,
Завывают леса,
Ярких молний полет
Рассечет небеса,
И торжественно гром
Загремит надо мной;
И дрожит все кругом,
Повторяя мне: «Пой!»

Средь народной молвы,
В горьком плаче сирот,
В стонах бедной вдовы
Слышен голос мне тот.
Ночью в безднах небес
Блеск далеких светил,
Полный тайных чудес;
На земле крест могил,
Мрак таинственный их,
Мертвых тихий покой
В вечных глыбах земных
Повторяют мне: «Пой!»

ВЕСНА ИДЕТ

Как царица, роскошно одета,
В ореоле блестящего света,
Жизнерадостной неги полна,
К нам идет молодая весна!
Ее с песней хор птичек встречает,
Луг цветами ей путь устилает,
Веет нежно в лицо ветерок,
И лепечет привет ручеек.
И поэт, отдыхая под тенью
Пышной рощи и сладкому пенью
Милых пташек внимая в тиши,
Про весну сам запел от души.
Но красавице рад был всех боле
Селянин, с нею встретясь на поле.
За сохой на своей полосе
Он молился весенней красе,
И, забыв все былые невзгоды
И любуясь красою природы,
Он с надеждою тайной в груди
Видел лучшую жизнь впереди.

ЗА ПАШНЕЙ

Отрадно мне за пашней в поле...
Здесь на просторе и на воле
И солнышко меня пригреет,
И ветерок слегка обвеет,
Волнуя морем нивы хлеба,
А высоко в лазури неба
Певуньи-пташечки парят,
«Бог помочь, пахарь!» – говорят.
И сердце чует: надо мною
Незримо с песней неземною
Летают ангелы святые,
Кропя цветочки золотые
Алмазно-чистою росою,
И над моею полосою
С благоговением парят,
«Бог помочь, пахарь!» – говорят.

ПАХАРЮ

Бог помочь, труженик смиренный!
Всегда трудами изнуренный,
В нужде и в вечной горькой доле,
Ты все же счастлив поневоле,
Ты крепок силами души.
Паши!..

Весенней радостной порою,
Любуясь утренней зарею,
Полей проснувшихся красою,
Ты над своею полосою
Трудиться любишь от души.
Паши!..

А в роздых от работы трудной
Идешь ты к ниве изумрудной,
И, зеленью любуясь пышной,
Молитву Благости Всевышней
Ты воссылаешь от души.
Паши!..

Пройдет весна – пора отрады,
Начнется лето – время страды,
И ты пойдешь зарей с косою
На луг, увлажненный росою,
Косить траву пойдешь в тиши.
Паши!..

Но вот и нивы пожелтели,
Колосья вдруг отяжелели
И виснут, тихо дозревая...
И ты, надеждой оживая,
Уж жать мечтаешь от души.
Паши!..

И пожинаешь хлеб созрелый,
Трудясь в поту лица день целый
С толпой прилежных жниц веселых;
Меж тем снопы в возах тяжелых
Растут в торжественной тиши.
Паши!..
Но вот день кончен. На поляны
Легли вечерние туманы.
Прохладой веет. Пламень алый
Зари потух. И ты, усталый,
Идешь домой в ночной тиши.
Паши!..
И песни жниц далеко льются
И звучным эхом отдаются,
Рождая думы и волненье
На дне воспрянувшей души.
Паши!..

ГРОЗА

На юго-западе темнеют тучи,
Идут и стонут. Молнии летучей
Зигзаги вьются. Раскатился гром.
Зловеще тьма покрыла все кругом.
Забушевала буря в тьме прохладной,
Клубя, волнуя ливень непроглядный,
Срывая лист с березок молодых.
Гроза! Торжественный и страшный миг!
Но вот прошла... И над грядою леса
Нависла тучи синяя завеса,
Так ярко и рельефно оттенив
Канву зеленую лугов и нив.
И блещет солнце жгучими лучами,
И радуга прелестными цветами
Вдруг засияла на краю небес,
И в неге тонет орошенный лес.
И воздуха живительные волны
Благоухают, ароматом полны,
Колебля тихо бархатный покров
И рощи изумрудной, и лугов.
И над цветами снова пчелки вьются,
И дружно песни пташек раздаются
В лазурно-светлой неба глубине
О солнце золотом, о радостной весне!

ВЕШНИЙ ДЕНЬ

Что за чудный день! Здравствуй, весна!
От глубокого зимнего сна
К новой жизни ты все пробудила,
В бархат мягкий одела кусты,
И поля в золотые цветы
Так заботливо ты нарядила,
Лес покрыла зеленым шатром,
Облила дорогим серебром
На черемухе цвет ароматный.
Но вот туча... И хмурится день,
По земле расстилается тень –
И полил мягкий дождь благодатный.
Но весна машет мощным крылом,
Разгоняя все тучи кругом,
Вновь горячими солнца лучами
И леса, и поля облила;
И летят мотылек и пчела,
Вьются роем, жужжат над цветами,
Нектар сладкий живительный пьют.
Божьи пташечки песни поют
В ясном небе и в роще тенистой;
И под сенью густою кустов
Над рекой, царь пернатых певцов,
Вторит им соловей голосистый.
А в деревне, собравшись, народ
Молодой хороводы ведет.
Колокольчик звенит в отдаленье.
Дед на улицу вышел с клюкой
И крестится дрожащей рукой,
«Благодать!» – шепчет он в умиленье.

РОМАНС

Думы, грезы, мечты-сновиденья
Эту ночь изнуряли меня:
То я верил тебе без сомненья,
То был ревности полон огня...
И в любви твоей я сомневался,
И тебя потерять я боялся,
И надежда на счастье с тобой
Исчезала как призрак ночной.
То, счастливый день встречи с тобою
Вспоминая, душой ликовал,
То в раздумье, убитый тоскою,
Этот день роковой проклинал.
Грудь моя и кипела, и стыла,
Ядовитых упреков змея
Беспощадно мне душу точила,
И рыдал так мучительно я.
То, в груди подавляя рыданья,
Мучась страстью любви роковой,
Вновь готов был нести все страданья
За твой взор, полный ласки живой,
И предать для тебя все забвенью:
Мненья света, условную честь, –
Но холодной измене, презренью
Я готовил жестокую месть!

«ДО СВИДАНЬЯ»

И снилось мне... Вот ночь ложится
На землю тихой пеленой,
В полях метелица клубится,
Вздымаясь снежною волной...
Даль застилая мутной дымкой,
Она бушует и поет.
По небу месяц невидимкой,
Окутан тучами, плывет.
Я мчуся весело по полю,
Рад чистым воздухом дохнуть,
Нежданно вырвавшись на волю,
Но кончен недалекий путь.
Вхожу я в дом. Семье почтенной
Отдав поклоны и привет,
Сажусь я с думой затаенной
И жду, скучаю, силы нет...
Но вот за дверью залы смежной
Прелестный голос прозвучал,
Как серебро, так детски нежный,
«Она!» – я сердцем угадал:
Оно так радостно забилось
В груди пылающей моей.
Вошла она... и вдруг смутилась
Перед собранием гостей.
Но я... забуду ль то мгновенье,
Как взоры, полные огня,
Любви, восторга, вдохновенья,
Она вперила на меня
С улыбкой неги и участья!
И сердце замерло в груди
В невыразимой неге счастья,
В надежде счастья впереди...

Но вдруг... забуду ль те страданья,
Когда она пошла со мной
Проститься, молвить «до свиданья» –
И горько залилась слезой!
Обратно еду я. Дорогой
Надежда, счастье и тоска
В душе сменяются тревогой...
По небу мчатся облака,
Метель по-прежнему несется,
Бушуя, воет ветер злой –
И «до свиданья» раздается
Вокруг меня и надо мной.

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?

Ты помнишь ли тот старый сад,
Его заросшие куртинки,
Где много лет тому назад
Ты шла по маленькой тропинке?
Тогда еще весна цвела
И в нашем сердце, и в природе.
О, как прекрасна ты была,
Когда, гуляя на свободе
Под тенью молодых ветвей,
Навстречу мне тайком скользила
Неслышной поступью своей
И про любовь мне говорила.
Под тенью сели мы вдвоем...
И ты рукою белоснежной,
Как ангел радужным крылом,
Моих кудрей касалась нежно.
Пылала счастьем грудь моя...
Луна приветливо сияла,
Гремели песни соловья,
И все в природе ликовало:
Весна, одетая в цветы,
Кадила нам истомой сладкой
И, погруженная в мечты,
Благословляла нас украдкой...
Ты помнишь?.. Нет, ты все забыла
И, как капризное дитя
Игрушку, сердце мне разбила
И равнодушно и шутя.

25 января 1899 года

НОЧЬ

Бриллиантами звезд синий бархат небес,
Разукрашенный чудно, спокойно сияет.
Призадумался, спит, не шелохнется лес,
И туман легкой дымкой поля покрывает.
Золотая луна, в тихом зеркале вод
Отражаясь, глядится, любуясь собою...
Пеленой полусвета одет небосвод,
И цветы незабудок каймой голубою
Опоясали пруд. Молодой соловей
По кустам свою нежную песнь рассыпает...
В грезах сладкой мечты улыбнуться бы ей,
Этой песни любви, что за сердце хватает!
Улыбнуться?.. Хотел бы – да как-то невмочь.
Ну, заплакать бы, что ли? Неловко, обидно
Опечалить слезой эту чудную ночь.
Разрыдаться?.. Веселого месяца стыдно.

ПЕСНЯ

Птичка Божья радостно
Песней заливается –
Больно сердце бедное
Кровью обливается,
Низкою изменою
Девицы отравлено...
И молвою честь моя
Навек обесславлена!
За любовь горячую
Местью мне заплачено,
И мечта на счастие
Навеки утрачена.
От тоски головушка
Безнадежно клонится...
Но слезами жгучими
Чье же сердце тронется?
Так застынь ты холодом,
Сердце, сердце бедное.
Не про нас, знать, спеется
Счастье заповедное!
Будь ты навек проклято,
Горе неизбежное,
Пропади ты пропадом,
Жизнь моя мятежная!

ПЕСНЯ КОСЦА

Встала зорюшка золотистая,
А широкое поле чистое
Далеко кругом расстилается...
Вот и солнышко поднимается
На небесный свод малахитовый...
Вот из рощицы из ракитовой
Пташки вольные, перелетные
Шлют мне песенки беззаботные.
Я зарей пришел с косой новою
Косить травушку да шелковую.
Ветерок пахнул мне прохладою,
Труд – надеждою и отрадою.
Улыбнись, душа, счастьем гордая!
Приналяг плечом, воля твердая!
Сыпь алмазами, пыль росистая,
На траву-цветы на душистые.
Ну, шуми, коса отточенная!
Высыхай, трава подкошенная!
Поспевай ты, рожь, рожь высокая!
Не грустна мне жизнь одинокая.

ИЗ ПРОШЛОГО
(картинка)

Приютившись поближе к светцу,
Моя матушка, вечно больная,
Что-то чинит такое отцу.
Спит давно вся семья остальная...
Непроворно мелькает игла,
Управляема слабой рукою.
«Ты бы, матушка, тоже легла, –
Говорю я с недетской тоскою:
–А то встанет за пряжу сестра
И опять с тобой будет браниться,
На язык-то ведь больно востра,
Только дело и знает, что злиться».
И лишь молвить успел, как она
Уж кричит на меня: «Ишь, бездельник,
Что без пользы торчишь у окна?
Взял, дурак, хоть бы вот чресседельник.
Точно пан иль попович какой!
Что дались ему глупые книжки!
Вишь, братишка-то ходит босой,
Сплел бы лучше какие лаптишки.
Вот пойдем, как ужотко, на ток,
Погляжу, как там будешь болтаться;
Не велик от ученья-то прок,
За тебя, вижу, надо приняться!»
И ворчит без конца. У меня
Уж давно навернулись слезинки.
Отойду в уголок от огня,
Отыщу клок негодной овчинки –
То подушка моя, а мешок –
Одеяло, и лягу свернувшись,
А во сне все мне снится урок,
И твержу его, утром проснувшись...

12 апреля 1886 года

ВОСПОМИНАНИЕ

Стары, убийственно сыры
Стены избушки родной,
Всюду в них щели да дыры,
Нет половицы одной;
Весь покосился запечек,
Воздух тяжелый зимой:
В хате держали овечек,
Там же теленок хромой.
Утварь хозяйства убога;
Бедность злодеем глядит;
Вплоть от кута до порога
Дым пеленою висит.
Лишь на полатях в соломе
Милый мне был уголок.
Все как улягутся в доме,
Там я учил свой урок,
Там же решал и задачу
Углем на дранке простой.
Дело не клеится – плачу,
Как над бедою какой!
Сладится – блещут глазенки,
Ждешь не дождешься утра –
С коркой пушной, без шубенки,
В школу бежишь со двора!

6 декабря 1898 года

СВОБОДНАЯ ПТИЧКА

Свободная птичка по чаще лесной
С веселою песенкой резво порхает
Весь день неустанно, а ночи порой
Спокойно под сенью ветвей отдыхает
Без горькой заботы до нового дня.
Пичужка-малютка счастливей меня:
Летит, куда хочет, сыта и вольна,
С коварною злобой врагов не воюет,
С борьбою в нужде не знакома она,
До слез от напрасных обид не тоскует,
Не стонет под игом трудов и забот...
Но так ли? Спокойно ли птичка живет?

МОНОЛОГ СЕЛЯНИНА

Солнце село давно,
И на поле темно –
Знать, и солнышко радо покою.
Спит оно под землей.
Не пора ли домой?
Целый день ведь махал я косою.
Бился, плеч не жалел;
Вот оно и сомлел.
Экий луг положил – десятина!
Урожай только плох:
Куманица, да мох,
Да негодная эта щетина.
Не пришлось отдохнуть...
Трудно горб мне согнуть,
В голове и шумит, и кружится;
И в душе тяжело
Отупенье легло.
Эх, испить бы воды – подкрепиться!
Дрожь и слабость в ногах,
Как медведь на плечах;
Ум и память отбила работа.
В дом придешь – иль ворчишь,
Иль сердито молчишь –
Слово молвить тебе неохота.
Не до сладких речей,
Лишь поесть бы скорей
Да в постель, будто сноп, повалиться.
Отдохнуть часа три,
Да и встать до зари,
Чтобы снова день целый трудиться.
Эх, куда нелегка
Доля-жизнь мужичка!
Вечный труд, все покоя-то нету:
Надо косу отбить
И овин растопить,

Смолотить, чтобы завтра, до свету,
Чтоб днем сено сгрести
И снопы привезти...
Время страдное, все надо разом:
И покос убирать,
И под озимь пахать,
Сеять рожь – потеряешь и разум!
На работе весь день
Почернеешь, как пень,
На жаре-то от ночи до ночи;
И с лица градом пот
Целый день так и льет,
И песком засыпаются очи...
Вот оно, голова,
Наша жизнь какова!
Наказание – честное слово.
Круглый год полон рот
И трудов, и хлопот,
А нужда все зарезать готова...
Мал сынишка-то мой,
Пошел год лишь восьмой;
Лето пусть погуляет на воле,
Пусть болтается зря,
А зимой псалтыря
Поучиться пора ему в школе.
Уж такой нынче век,
Что «слепой» человек
Не годится – мы то понимаем.
Мы, хоть темный народ,
Все же видим вперед
И детишкам науки желаем,
Ведь учение – свет.
Да все времени нет
Поучиться ни зиму, ни лето.
Вон на Спаса кум Тит
Сидя в книжку глядит,
Да, как видно, не книга в уме-то:

Он читать перестал
И семью будить стал:
«Все вставай, принимайся за печку!
Ваня, встань и поди
Лошадей приведи
С поля! Живо, что ль! На вот уздечку.
Слышь, живее, пошел.
На подъем-то тяжел!» –
И при этом вздохнул втихомолку.
Ох!.. вздохнешь... Вон вчера
Сам я был у Петра
Взять взаймы – не добился и толку!
И пошел я назад
Просто жизни не рад.
Пять рублей!.. и просил ведь немного.
И забрел я в кабак,
На последний пятак
Чтоб напиться до черта хромого!
Повстречал там Фому,
В долг поднес и ему,
И пришлося обоим напиться;
Да поссорился с ним...
Стыд!.. но чем же иным
Нам средь вечного гнета забыться?

ГОРЬКАЯ ПРАВДА
(ученик начальной школы нашей местности)

Кончив курс ученья – миссию,
Сдав учебники в комиссию,
За успех и поведение
Получивши награждение,
От начальства благодетельство –
Лист похвальный и свидетельство
С правом пользоваться льготою
В службе воинской, – с охотою
Удаляюсь. До свидания!
Кончил я свои страдания,
Дисциплину – кару школьную;
Выхожу на волю вольную,
Навсегда домой, где чтение,
Счетоводство, наставления,
Все священные истории
И другие категории –
Все зачахнет и засушится,
Жизни тернием заглушится;
За косой, за сошкой мелкою
Все зальешь порой горелкою,
Все убьет нужда тяжелая,
И разгул, и жизнь веселая
Иль иная страсть мятежная...
Дальше – свадьба неизбежная:
Женишься, отца по волюшке,
На какой-нибудь там Олюшке,
А потом – дельба, как водится...
И пошел век хороводиться
То с нуждой, то с ребятишками.
Некогда заняться книжками,
А там далее да более...
Позабуду – был ли в школе я?
Разве так, по вдохновению,
Дум случайных по течению,
Вспомнишь школу с огорчением,

Что манкировал учением.
Ай да время невозвратное...
Разберешь, хотя с усильями,
И, раскинув локти крыльями
И согнувшись в три погибели,
Чтоб пера из рук не выбили
Над бумагой подлежащею,
От трудов рукой дрожащею
Имя разве нацарапаешь
И чернилами закапаешь –
Значит, грамотным останешься.
А затем в кабак потянешься
За товарищами пьяными,
Будешь водку пить стаканами;
Во хмелю-то станешь бражничать,
Дебоширить и куражничать,
Многознаньем глупо чваниться
И «безграмотным» не кланяться,
Старших обижая шутками,
Глупым смехом, прибаутками...
Ведь как с школою разлучишься,
Так худому дома учишься
И живешь не школы мерами,
А семьи своей примерами...
Да и в школе (не за партами)
Убивали дни вакантные
На занятия пикантные:
Часто «в карты занимался»
И горелки напивался...
Раз я так напился водкою,
Что едва сестренка с теткою
Чрез качанье, растиранье
Привели меня в сознанье.
Мать в испуге растерялася,
Хоть сама же постаралася
Накатить меня... Родители!
Грех судить, а соблазнители:
Сами пьяными валяются,
А как дома разгуляются,

Вдоволь вся семья наплачется,
От побоев коль не спрячется...
Словом, состоянье адское
Нам приносит зло кабацкое.
Таково семьи влияние
На наш ум и воспитание,
Где живем мы и вращаемся
И, конечно, развращаемся.
Правда, школьное учение
Всем почти без исключения
Нам несет благодеяние
В смысле перевоспитания.
Так, минуя все погрешности,
Грамотный – другой по внешности,
По речам глядит отесанным,
И разумным, и... причесанным.
Прочим не интересуюся,
В том к сему и подписуюся:
Мая дня двадцать девятого
Года девяносто пятого,
Я, успешно курс кончающий,
По «закону» на два знающий,
Единицу по грамматике,
С плюсом два по математике,
По-славянски не умеющий,
Место жительства имеющий:
Древней волости Смоленская,
Волости Новополенская,
Общества Кривич-Древлянского,
Из сословия крестьянского,
Из деревни Полупьяновой,
Из двора семьи Лукьяновой,
Ученик Илья Болотников,
Первый... из числа охотников
Спать, тайком шалить за партами,
С табаком в кармане, с картами, –
Написал сие с улыбками,
С восемнадцатью ошибками
И куря добытый во́ровски
У отца тютюн суворовский.

СОВЕТ СИРОТЕ

– Что ты, Ваня, все грустишь?
Что, мой друг, невесел?
Что печально так глядишь,
Голову повесил?
Аль не хлеб, а лебеда
Уродилась в поле?
Что же делать нам тогда?
Все ведь в Божьей воле, –
Ваню спрашивал сосед,
Безучастно глядя.
Сирота ему в ответ:
– Я не сеял, дядя.
– Как не сеял? Ха, ха, ха!
Где ж добудешь хлеба?
Ведь всех кормит нас соха;
Хлеб – не манна с неба.
– Нет сохи, ни бороны,
Ни коня, ни хаты,
Ни помощницы-жены –
Горем лишь богаты...
Эхма, долюшка моя,
Горькая судьбина.
И зачем родился я,
Бедный сиротина!
Выйду в люди – надо мной
Девушки смеются:
Вот красавец-де какой,
Кудри в кольца вьются.
Старикам отдашь поклон –
Шапки не ломают
И мой старый балахон
На смех поднимают.
– Знаю, горько сиротам
Жить на белом свете,
Но жених ты по летам,
Есть ли на примете?..

– Что ты, дядя, не рука...
Речь твоя не к месту:
Кто отдаст за бедняка
Дочь свою невесту?
– Кто? Откажут у одной –
Широка дорога,
Понаведайся к другой:
В мире девиц много.
– Дядя... Маша, дочь твоя,
Что в окно глядела...
Вот к тебе пойти в зятья –
Славное бы дело!
С Машей рад я под венец
Безо всех условий...
Тут советчик и отец
Понахмурил брови.
Про себя: «Большая честь
С голышом родниться.
И лохмач, а сметка есть:
На моей жениться!
Видя рваный твой кафтан,
Черную рубаху,
Маша, дочь моя, в чулан
Спрячется со страху.
Не бедны мы, наша дочь
Выйдет за любого.
Нет, бездомник, дальше... прочь
Жениха такого»...
Вслух: «Послушай, милый мой,
Выбрось мысли эти;
Ведь одною головой
Легче жить на свете.
День промаял, ночь придет...
Калачом свернулся
И покойся без забот.
Встал да встрепенулся.
Лапоть есть – вот и не бос,
Черный хлеб – не голод.

Да не вешай, братец, нос:
Ты здоров и молод...
Право, жизнь-то впереди,
Счастье не с отказом,
Только в рюмку не гляди
Ни единым глазом...
И, небось, придет пора
С горем расквитаться.
Ведь не век же без двора
Будешь ты скитаться...
Эво, время-то в обед;
Эк я разболтался», –
И советчик и сосед
С сиротой расстался
И к воротам повернул
Новой белой хаты.
Тяжко Ванечка вздохнул
И побрел куда-то.

ПЕСНЯ СИРОТЫ

Зародила меня матушка,
Ох, младенца нежеланного,
Горемыку бесталанного,
Сироту-сынка несчастного,
Не для счастья, счастья красного.
И зачем ты, моя ро́дная,
С белым светом расставаяся
И со мной навек прощаяся,
Наделила меня долею –
Только горем и неволею?
А в наследство мне оставила
Голубые очи ясные!
Но туманит их несчастная
Горе-доля одинокая,
И тоска в душе глубокая...
Поднимись ты, ветер с полудня,
Опахни мне грудь кипучую,
Осуши слезу горючую!
Прогляни ты, солнце красное,
На мое житье несчастное...

* * *

Роду-племени нет.
Жизнь как свечка тает.
И покинул бы свет –
Силы не хватает.

Эх, живи, сирота!
Горе не забудет.
А умрешь – и креста
Над тобой не будет;

Буря песню споет
Над тобой уныло,
Туча слезы прольет
На твою могилу;

Да цветочек весной
На лугу зеленом,
Расцветая красой,
Помянет поклоном...

В поле ветер шумит,
Воет-завывает,
Горе душу томит,
Сердце надрывает.

УТРО

Первый солнечный луч животворно упал
На земной необъятный простор.
Облаков золоченый опал
Несравненный рисует узор
На лазури небес голубой.
Роща вся встрепенулась и ждет:
Скоро ль в чаще ее молодой
Хор воздушных певцов запоет...
Дымкой тонкою пар от реки
Улетает, как призрак ночной;
Как по манию мощной руки
Заалелося утро красой...
Лишь душа моя, мраком греха
Усыпленная – черные сны, –
К пробужденья призыву глуха
В этот миг воскресенья весны.

2 июня 1885 года

ПЕСНЯ

Птички, птички вольные,
Птички голосистые,
Как мне ваши по сердцу
Трели серебристые!
Я малюткой тешился
Вашим щебетанием,
Вам внимал я юношей
С сладким замиранием!
Полетите ж, пташечки,
На кладбище зорькою,
Сядьте на могилочку,
Где зарыли горькую
Мать мою родимую;
Отгоните, милые,
Червяка ужасного,
Чтобы тело хилое,
Кости наболевшие,
Очи многослезные
Не точил бы... Пусть она
Спит, моя болезная,
Под навесом тополя
Ярко-изумрудного,
С миром дожидается
Дня Христова Судного!
Расскажите, пташечки,
Песенкой умильною
Скорбь ее великую
Господу Всесильному,
Как она всю жизнь свою
Без просвета маяла,
От нужды без времени,
Будто свечка, таяла!..

1875 год

НИВА БОБЫЛЯ

В поле нивка неширокая.
Да не рожь на ней высокая,
Шепча, с ветром колыхается –
А трава одна шатается,
Разукрашена цветочками,
Голубыми василечками.
В тех цветах пчела купается,
Сладкой влагой упивается;
Мотыльки там разноцветные,
Мошек, мух рои несметные
Да букашек стаи носятся,
Ко цветочкам в гости просятся.
С нивки пташки в высь небесную
Реют с песенкой чудесною,
И порой садятся вороны.
Близ нее, по обе стороны,
Нивы с рожью колосистою.
Рожь соломой золотистою
Блещет, что парчой одетая,
Красным солнышком согретая.
Нива нивке молвит голосом,
Тихо шепчет спелым колосом:
«Пахарь на меня надеется,
Про него мой колос спеется.
Он сожнет меня с веселием...
Что ж ты, нивка, только зелием
Расцветаешь? Что заброшена?..
И трава твоя не скошена?»
Отвечает тихо нивушка:
«Пал весной мой пахарь-сивушка.
Сам хозяин мой стареется,
На печи лежит да греется,
О сынке тужит с заботою,
Что служить пошел с охотою,
Но в кампанию турецкую
Пал он смертью молодецкою –
Таково житье солдатское.
А второго зло кабацкое

Доконало, зелье хмельное:
Он повел житье бездельное.
К старику стал без почтения,
В ночь под самое Крещение
Скрылся и сложил головушку,
Горе мыкать бросил вдовушку...
Оттого я, нивка, брошена
И трава моя не скошена.
Сохнет травушка, шатается
И косцов не дожидается».

СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ

Гордое солнце, склонясь на закат,
Молвило месяцу: «Милый мой брат,
О, для чего суждено мне все дни
Видеть на свете пороки одни?
Злобе и зависти путь освещать,
Луч мой на поле ленивца ронять.
Часто, неправды не терпя людской,
Кроюсь за тучами мглою густой.
Если б дозволил Всевидящий Бог –
Зной мой палящий, давно бы он сжег
Грешную землю!» Скромна и нежна,
Солнцу в ответ золотая луна:
«Свет мой не ярок и блеск не велик,
Только задумчивый видит мой лик
То, что незримо на свете тебе:
Лица, склоненные в жаркой мольбе,
Слез покаянных незримый ручей,
Льющихся тихо из злобных очей.
Первой любви замирающий звук
Слышу и стоны неведомых мук.
В славу науки и пользы святой
Труд драгоценный, желанный покой
Спящих в могиле по воле судьбы,
Спящих до страшной последней трубы!»

7 апреля 1889 года

МОГИЛКА

Утра вешнего дыхание,
Полное благоухания,
Веет свежестью душистою,
Будит рощицу тенистую,
Обдает росой обильною
Насыпь свежую могильную.
Распевает там соловушка.
Молодец поник головушкой,
Плачет, сидя над могилою,
Где зарыли деву милую:
Жаль ему свою сердечную,
Что легла в могилу вечную, –
Заменила лето красное
Осени пора ненастная,
Смолкли песни соловьиные:
Соловей за море синее
Улетел в страну далекую.
И могилу одинокую
Замело метелью снежною.
Молодец душою нежною,
Страсти пылкой всею силою
Полюбил другую милую –
И гордится пред округою
Молодец своей подругою.
На могилку одинокую
Только осенью глубокою
С листьев белой лишь березоньки
В непогоду каплют слезоньки...

КУКУШКА

Чу! Кукушка прилетела,
Песню грустную запела
Монотонно и уныло,
Точно голос из могилы
Раздается в уголку
Леса темного: «Ку-ку!»
— Эй, кукушка-горемыка,
Что вещаешь ты, скажи-ка,
Своей песенкой унылой?
Стала ль жизнь тебе немилой,
Как сиротке-бедняку
У чужих людей? — Ку-ку!
За морями я бывала,
На край света залетала, —
Так кукушка отвечала. —
Но нигде не примечала
Человека на веку,
Чтобы слез не лил... Ку-ку!
Всюду слез потоки льются:
Стоны горя раздаются
В пышной царственной палате
И в крестьянской бедной хате —
И в лохмотьях, и в шелку
Люди слезы льют. Ку-ку!
Слезы горькие порою
Льются на усы герою,
На лицо старушки хилой,
На ланиты девы милой,
И на нищего клюку
Слезы падают. Ку-ку!
Тот обижен злой судьбою,
Тот остался сиротою;
Этот болен — горько плачет,
Тот родных в могилу прячет
Под дубовую доску
С горькою слезой. Ку-ку!

Льются слезоньки людские,
Точно капли дождевые,
Льются днями и ночами,
Льются целыми веками –
Нет числа им, как песку
На краю морей. Ку-ку!
Ты, красотка молодая,
О судьбе своей гадая,
Пояс свой зачем снимаешь,
Елку втрое обвиваешь,
Где сижу я на суку?
Не гадаю я... Ку- ку!
Нет, красотка, не гадаю
И лет жизни не считаю:
О несчастных я тоскую
И пою слезу людскую...
Про разлуки и тоску
Моя песенка. Ку-ку!

ПЕСНЯ

Тиха вешняя
Ночь прекрасная.
Тает, прячется
Зорька ясная.
И глядит луна
С высоты небес,
И любуется
На дремучий лес,
Словно слушает,
Как молчат поля,
Как покоится
Мать-сыра земля,
Как весна в тиши
Притаилася,
Пышной зеленью
Принакрылася.
Веет жизнию
Над полянами,
Влагой теплою
И туманами.
Тихо спят леса
Отдаленные,
Словно чарами
Усыпленные, –
Ни один листок
Не колышется,
Лишь в кустах всю ночь
Песня слышится:
Про весну поет
То соловушка...
Отчего ж моя
Ты, головушка,
На больную грудь
Приклонилася?
В ночь ли грозное
Что приснилося?

Пала ль на сердце
Грусть тяжелая,
Дума черная
Невеселая?
    Нет. Мне вспомнилась
    Разудалая
    Моя молодость,
    Как, бывало, я
С поля вечером
Возвращаюся,
Песней звонкою
Заливаюся.
    В окна слушает
    Все селение –
    И поклон певцу,
    И почтение.
Все от старого
И до малого
Любят молодца
Разудалого.
    Про любовь к нему
    Про сердечную,
    Неизменную,
    Вековечную.
Да судьба-злодей
Тут вмешалася:
Мне красавица
Не досталася...
    Отдал батюшка
    Дочку милую
    За богатого
    Замуж силою.
И живет она,
Мает горюшко...
Ах ты, светлая
Моя зорюшка,

Темной тучею
Ты покрылася!
Моя молодость
Удалилася –
И все прежнее
Миновалося.
Что ж теперь со мной,
Бедным, сталося?
От меня друзья
Все сторонятся,
Встретят девушки –
Не поклонятся.

ВЕШНИЙ ВЕЧЕР

Весна... На закате алеет
Заря, догорает и млеет,
Бросая бледнеющий взор
Полей на широкий простор.
Повеяло влагой душистой
Из рощи. Луны золотистой
Сиянье встает. Спят цветы,
И, полное сладкой мечты,
Кругом все задумчиво дремлет
В безмолвии ночи и внемлет
И тихим журчаньям ручья,
И песням любви соловья.
И в роях волшебных видений
Дней юных моих светлый гений,
Меня осеняя крылом,
Мне шепчет о счастье былом...

К НЕЙ

Я помню: весенней порой
Под вечер с подругой гуляя
В душистых садах за рекой,
Ты пела, цветы собирая.
И голос чарующий твой
Далеко вокруг раздавался,
И, мнилось, он тайной волной
С сиянием неба сливался.
И песне прелестной твоей
Кругом все безмолвно внимало,
Лишь пел про любовь соловей
Да сердце мое трепетало...

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

Пичужка в клетке и сыта,
Но нет, бедняжке, ей покою:
У ней свобода отнята –
И песнь ее звучит тоскою.
Ей тесно в клетке: у окна
Ей мало свету, на свободу,
Тоскуя, просится она,
Чтоб петь прекрасную природу,
И, может быть, клянет меня,
Ее невольного тирана...
Мне жаль ее. С восходом дня
Проснусь я завтра, очень рано,
И дам невольнице моей
Желанную святую волю:
Пускай резвится средь ветвей,
Стрелою носится по полю,
Толпою птиц окружена,
Пусть звонко песни распевает
О том, как радостна весна,
Как солнце весело сияет.
На воле гнездышко совьет
Себе под частой сенью веток –
И пусть, счастливая, поет
И кротко кормит малых деток.

* * *

То-то жизнь хороша!
До чего довела
Ты меня, что душа
Из родного села
Так и рвется туда,
Где обильный жнут плод
За посевы труда
И добрее народ.
Если б крылья злой рок
Мне давно не подсек,
Я бы свой уголок
Рад покинуть навек.

НА РОДИНЕ

Солнце за лес закатилось
На покой ночной.
Небо серое покрылось
Тучи пеленой.
Ночь над полем распахнула
Темное крыло,
И в тумане потонуло
Ро́дное село.
Люд крестьянский почивает,
Спит спокойным сном.
Только ветер завывает
Под моим окном,
Тихо ветви колыхая
Молодых берез,
Мне уныло навевая
Рой печальных грез.
И не сплю я до полночи,
Да и не до сна:
Ноет сердце, нету мочи,
Грудь тоской полна.
Ночь прошла. С тяжелой думой,
Не пытаясь спать,
В поле родины угрюмой
Я иду гулять.
И нигде картины чудной
Не встречает взор:
Мрачен вид природы скудной,
Тесен кругозор.
Нивы глинистые тощи,
Мохом луг покрыт,
Ни реки, ни гор, ни рощи –
Скучный, жалкий вид!
Только лес кругом унылый,
Лес со всех сторон,
Черной думой, как могила,
Давит сердце он.

Здесь-то жизнь моя прожита
Как-то кверху дном;
Здесь-то молодость убита
Горем да трудом.
Одинокий, зиму, лето
Здесь я работáл;
Здесь-то голосу поэта
Только лес внимал
И вторил ему, уныло
С бурею шумя!
Если б воля, если б сила,
Улетел бы я
Вдаль, где солнце лучше греет,
Где светлей луна,
Где красу долин лелеет
Вечная весна.
Там среди цветов душистых
Дивные края,
Под шатром садов тенистых
Отдохнул бы я
От забот, нужды и горя,
Горя черных дней,
И, гуляя на просторе
Золотых полей,
И веселье, и свободу,
Радость бытия
И прекрасную природу
Воспевал бы я.
И, душою вдохновенной
Воскресая вновь,
Пел бы я Творца вселенной,
Вечную любовь,
И веселье, и свободу,
Но, увы! К чему усилья
Вырваться на свет,
Коль судьба подсекла крылья,
Коль исхода нет?

НА ЧУЖБИНЕ

С тоской тяжелой в далекой чужбине,
Заброшенный вдаль от родной стороны,
В раздумье глубоком брожу по долине,
Овеянный чудным дыханьем весны.

Кругом расстилаются тучные нивы,
Волнуясь, что море, и тихо шумят;
У берега речки пушистые ивы
Колышутся мягко, на солнце блестят,

Свои кудреватые ветви купая
Глубокой реки в шаловливой волне.
Веселые птички поют, утопая
В лазорево-светлой небес глубине.

Волшебно прекрасен кругом необъятный
Холмистых полей отдаленный простор:
Там сосны темнеют, здесь луг ароматный
Пестреет цветами, что пышный ковер,

Колеблется тихо. Вблизи предо мною
Шалят, шумно радуясь красной весне,
Мальчишки веселой и пестрой толпою.
Но я все грущу о родной стороне.

Так севера житель в садах апельсинных,
Под зноем, на юге, тоскует о льдах,
О тундрах унылых, о сумраке длинных
Ночей, о сполóхе и белых снегах.

ВСТРЕЧА

Случайно брошенный на дальний юг,
Я восхищен был встречею нежданной:
Весной, в тени садов благоуханной,
Я повстречал красавиц двух.
Одна была, как ранний цвет, нежна –
Ребенок жизнерадостный, наивный,
Как утро вешнее, красою дивной
Сияла, грации полна.
Другая – дива из надзвездных стран,
Светла и радостна, как дня сиянье,
И прелести полна очарованья,
Легка, воздушна, как туман.
Горит зарей лица румяный цвет,
В очах сияние лазури:
Не выраженье тайной бури –
В них ум, и нега, и привет,
И мнится, раб, владыка и герой
Равно увлечены ее красою,
Как одинаково обрызганы росою
И розан, и цветок простой.
А я за счастье быть у ней рабом
Все отдал бы, разруша все препоны.
Но расцветет ли лилия Сароны
На диком севере глухом?
Увы, как светлый в небе метеор,
Красавица на миг один явилась,
И предо мной она остановилась,
Мне кинув мимолетный взор!
Восторг, и слезы, и невольный страх
Мне сердце сжали. Я забыл все в мире...
И, на расстроенной бряцая лире,
Я проводил ее в слезах.

июнь 1896 года

ФИАЛКА

Все спит полно́чи в тишине,
Отдавшись сладкому покою.
Но я не сплю. И грустно мне...
В душе с тяжелою тоскою
Сижу один я за столом,
Шурша гербария листами,
И вспоминаю о былом...
И меж усохшими цветами
Нечаянно попался мне
Цветок фиалки ароматной
И мне напомнил о весне
Счастливой жизни невозвратной,
О сладких грезах дней былых.
Он мне напомнил утро мая,
Когда под тенью молодых
Берез девица молодая
Прекрасной утренней порой
Со мной последний раз гуляла
И с непритворною слезой,
Подав фиалку, мне сказала:
«Храни до нового свиданья!»
Но где же счастье юных дней?
Увы! Одно воспоминанье
В душе осталося от них!
Восторги, радость – все пропало.
И сколько сердцу дорогих
Друзей, родных уже не стало:
Кто скрылся, кто покинул свет...
Давно на свете нет и милой:
Она во цвете юных лет
Сошла в холодную могилу.
И жалко мне минувших дней,
И жалко милой мне порою,
И на душе тоска по ней
Лежит тяжелою мечтою...

У ПОРТРЕТА

И зачем, полный грусти-печали,
Я гляжу на знакомый портрет?
И хранят зачем сердца скрижали
Юных дней догорающий след?
Уж минувшего милые тени,
Как живые, встают предо мной,
И несут мне раскаянья пени,
И, повеяв былою весной,
Воскрешают опять вдохновенье
В изнывающем сердце моем,
И уснувшие бури волненья,
И невольную грусть о былом.
Уж не ты ли, весна золотая,
Вновь пришла с ароматом цветов
И ночами волшебного мая
Мне повеяла чарами снов?

3 мая 1899 года

* * *

Юность, золотое время!
Мне тебя уж не вернуть...
Не пора ли жизни бремя
Непосильное стряхнуть?
Надоел мне свет мятежный,
И унылый, и пустой.
Все равно... Ведь неизбежно
Мне лежать в земле сырой.
Изнемог я... слабы силы...
Что ни день, то жизнь трудней.
Там, в объятиях могилы,
Успокоюсь я скорей...
Видно, спета жизни сага.
Жизнь кончаю. Полно ныть!
Полно... Где перо, бумага?
Кой-что нужно объяснить,
Чтоб других, по крайней мере,
Не винили. Зол наш свет...
Все, прощай! Плотнее двери...
Ну, мой верный пистолет!..
Соловей поет... Кончаю.
А «она»? Пойду ль назад?
Вдруг я милую встречаю –
И... я жизни снова рад.

ВЕСНА

Вот и снова весна золотая,
Утро года волшебное. Май.
Благодать дни роскошные мая!
Мир земной превращается в рай.
Как одетый парчой золотистой,
Луг пестреет в роскошных цветах,
Разливающих запах душистый;
Лес купается в света волнах;
Небосвод бирюзою сияет,
Посылая густой ветерок:
Он без шума траву колыхает
И любовно целует цветок.
И бежит он обвеять березы,
Что под бархатной шапкой стоят,
Что, беспечные, сладкие грезы
Навевая мне, тихо шумят.
Сладкой радостью грудь моя дышит
Под задумчивый плеск ручейка –
Ручеек незабудки колышет,
По песочку струяся слегка....

УТРО ВЕСНЫ

Сияньем далеким румяным
Заря распахнула восток.
За полем, одетым туманом,
Вдали зеленеет лесок.
Покрытые травкою нежной,
Долины росою блестят;
И веет из рощи прибрежной
Смолистый берез аромат.
Вот солнышко радостно встало,
Зажгло бирюзой небеса,
Цветами в лучах заиграло –
И грянули птиц голоса...
Зефир-невидимка проснулся,
Туманы подвинул волной;
Цветок под кустом шевельнулся,
Качая цветку головой.
Зефир нежной веет прохладой...
Уж трубит рожок пастухов,
Скликая шумливое стадо
В долины, на бархат лугов.
И радостно звон колокольный,
Кругом разливаясь, плывет,
И в церковь народ богомольный
Толпою нарядной идет.

НА КОРОНОВАНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Май. Блестит восток румяный.
Смотрит солнышко с небес
На зеленые поляны,
На одетый пышно лес.
Все кругом благоухает,
Полно неги, красоты,
Новой жизнью все блистает,
Разодетое в цветы.
Чист лазорево-эфирный
Свод небесной глубины...
Мы, сыны России мирной,
Ждали радостной весны.
День четырнадцатый мая!
И дождались: уж с утра
Торжествует Русь святая,
Раздается гром «ура».
Пушек гром и ликованье,
Колокольный звон плывет:
То Царя Коронованье
Шумно празднует народ!
У всех зданий флаги вьются,
Отливая серебром;
В храмах Божиих несутся
О Монархе Дорогом
Песни, жаркие моленья
Верноподданных сердец
От столицы до селенья,
Из конца Руси в конец...
Не дубравы зашумели,
Всколыхнулись не моря –
Гимны славы загремели
В честь родимого Царя.

И шумит волна привета,
Голос радостных сердец:
«Многа лета! Многа лета!
Православный Царь-Отец!
Твой престол да озарится
Светом славы! Здравствуй, Царь!
Здравствуй, Матушка Царица!
И Наследник Государь
Со всем Царствующим Домом!
До земли Тебе поклон!» –
Раскатилось гулким громом,
Раздалось со всех сторон.

МОЛИТВА ЗА ЦАРЯ

Да здравствует наш Царь на много, много лет!
Храни Его Господь, храни Его от бед!
Священный Дом Его навеки утверди,
Державный трон Его Ты миром огради
Да в трудных подвигах правленья помоги!
В смятенье да бегут от нас Его враги.
Венчай Его главу короною побед!
Да царствует наш Царь на много, много лет!

* * *

Забытый всеми в горькой доле,
Я одиноко в чистом поле
Тружусь с отрадными мечтами;
Тайком беседуя с цветами,
Кошу их, потом обливая.
И ширь мила мне полевая,
И мил лесов покров зеленый,
И чистый воздух благовонный,
И песни птиц над головою
Мне веют радостью живою...

ПАХАРЬ

Утро. Светлый восток
Вешней зорькой горит.
Во дворе мужичок
Уж с конем говорит:
«Полно есть-то! Пора,
Пахарь мой вороной,
Ехать нам со двора
На простой полевой.
Что вздохнул? Не доспал,
Мой дружок?» И слегка
Мужичок потрепал
По спине воронка.
«Сыт? Пойдем, напою,
Да и в поле, мой друг,
На полоску свою.
Вспашем. Ночью – на луг».
Мрачен был, но не зол
Сонный вид мужика.
Вот на пашню привел,
Запрягает «дружка».
«Ну, живей становись!
Что повесил-то нос?
Ничего... Потрудись!
Ну, что стал, точно врос!»
Тронул конь... Тяжело...
Низко шею согнул.
Вот и солнце взошло,
Ветерок потянул.
Пахнет свежей землей,
Загорелась роса.
В синеве голубой
Слышны птиц голоса.
Грусть скатилась с души,
Точно с гуся вода.
«Ну, голубчик, паши,
Да не бойся труда!

Так предписано, знать,
В вечной книге Творца:
Он велел добывать
Хлеб-то в поте лица.
Ну, смелей у меня!»
Уж добрей пахарь мой
Погоняет коня,
Управляя сохой.
А на поле кругом
Копошится народ;
За тяжелым трудом
Шум и говор идет.
Вот работа пошла,
Точно Плевну берем!
Вот жара-то зажгла,
Так и жжет, как огнем!
«Ну же, милый, что стал?
Эво, ровно полдня!
Я порядком устал,
Утомил и коня.
Ишь, он, бедненький, ржет
И трясет головой,
Понимает ведь вот,
Что поедем домой»...
И с лица рукавом
Обмахнув крупный пот,
Пахарь с добрым конем
Тихо с поля идет.

АКРОСТИХ

Простого я происхожденья
Судьбы по воле роковой.
Андроновка – одно селенье,
Лежащее в глуши лесной, –
Мне родина. Мое рожденье
Осенний холод, серый день
Встречали да тумана тень
Густая – знаки горькой доли...
Едва имея десять лет,
Работал я уже на поле,
В душе мечтатель и поэт.
Ах, как я полюбил природу
С ее волшебной красотой,
И как я рвался на свободу
И все ж остался за сохой!

ЭПИТАФИЯ

Не в угоду холодного света
Песни тихие слез и печали
Угнетенного роком поэта
Стоном горя уныло звучали.
В непогоду, в зловещий шум бури
Пел он песни свои, изнывая
От тоски. О цветах, о лазури
Раздавалась тут песня живая...
Но под гнетом судьбины жестокой
Он, любя, шел дорогою крестной.
Смолкли песни его. Одиноко
Спит в могиле певец неизвестный
У родного села на погосте...
Что же свет ни крестом, ни плитою
Не почтил его мирные кости,
Лишь небрежно засыпал землею?..

ТОМИТЕЛЬНАЯ ДУМА

Отец, отец мой незабвенный,
Один на свете ты любил
Меня и труд мой так ценил.
Увы! С тобою разлученный,
К кому от горя, бед забыться
Прибегну я, любя, ценя?
Умру... кто помянет меня?
Кто будет за меня молиться,
Безродного воспоминая?
Друзья ль помянут? Нет, друзья,
Людское сердце знаю я:
Оно забывчиво...одна Святая
Христова Церковь, ты готова
За всех молиться, всех любя...
Одна надежда на тебя.
Окончив странствия земного
Тернистый путь, закрою вежды
Навек и смерти сном усну...
О, Церковь-Мать! Тебя одну
Молю, исполненный надежды,
Молись, Святая, за меня
До судного Христова дня!

1890 год

* * *

В свод ли неба смотрю –
Я желаньем горю
В небеса улететь.
На могилу ль гляжу –
Ужасаясь, дрожу
И боюсь умереть.
И на сердце легла
Грусти черная мгла...
Но не жалок мне свет.
Одного я боюсь:
С чем пред Богом явлюсь
И какой дам ответ?!

«МОЛИТВУ ПРОЛИЮ КО ГОСПОДУ»

Се, молитву мою
Я смиренно пролью
Перед Богом, откроюсь в печали,
Что с младенческих дней
Горькой жизни моей
Был рабом я грехов и страстей,
Что мне сердце, как змеи, терзали;

Что вся жизнь протекла
Средь соблазнов и зла...
И теперь я, как путник унылый
Иль как воин в бою,
Побежденный, стою
На таинственном грозном краю
Ужасающе мрачной могилы,

Где истлею во прах
И погибну в волнах
Непроглядных глубокого тленья!
О, зачем – путь широк –
Я избрал лишь порок?..
Но молюсь, как Иона-пророк:
Искупитель!.. дай руку спасенья.

ШКОЛЬНАЯ ЖАЛОБА

В сельской школе неизвестной
Я в лачужке грязной, тесной
У стола сижу в углу
На разломанном стулу.
В кабинете-кухне-спальной
С крепкой думою печальной
Размышляю про свое
Горемычное житье...
Сверху — гений вдохновенья,
Снизу — пол и дуновенья:
Дышит холодом Борей
Из подполья и дверей.
На душе засела проза,
В теле трепет от... мороза,
Боль жестокая в груди —
И все то же впереди...
Вот какие помещенья,
Вам, «радельцам» просвещенья,
Воспитателям, дает
Равнодушный к вам народ!
Мы веди ученья дело
Горячо, с душой, умело,
Забывая свой покой,
А плоды за труд такой:
Скорби, нравственные пытки,
Голод, холод да убытки,
Стрелы зависти, обид
И презренья тайный стыд...

НАРЦИСС

Под небом Греции, где лавр и кипарис
Роскошно разрослись согласною четою,
Цветущий юноша, прекрасный, как Парис,
Сидел у берега, склонившись над водою.
И созерцал, пленен своею красотой,
Прекрасный образ свой, потоком отраженный, –
Сидел и день и ночь красавец молодой:
То был Нарцисс, самим собою увлеченный.
Лучи ли света Феб бросал на свод небес,
Лился ль из тучи дождь холодными струями,
Из тучи ль молнии кидал во тьме Зевес –
Он все сидел, склонясь над светлыми волнами...
Однажды, лишь зарей забрезжился восток,
Нарцисс в волнах исчез, жизнь тихо отлетела...
Зато на месте том бледнеющий цветок
Явился на земле из умершего тела.
С тех пор цветок нарцисс, задумчивый всегда,
Все долу клонится головкою печальной,
И солнышку в лицо не взглянет никогда,
И тянется к родной струе воды хрустальной.

20 октября 1898 года

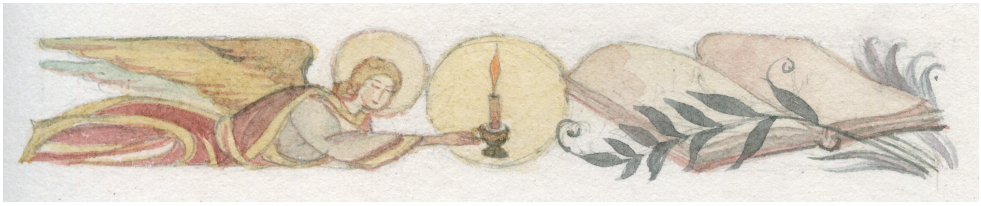
* * *

Что, мой чижик милый, скучен?
Что так выглядишь тревожно?
Аль неволею измучен?
Иль ушиб неосторожно
Крылышко? Покушай, крошка!
Вот водица, зерна в клетке...
Вдруг мой чижик – пырх в окошко
И поет уже на ветке.
Вон и пташечка другая
Рядом песню завела –
Видно, воля дорогая
И для пташечки мила!

УЧЕНИКАМ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Дети, встаньте. С умиленьем
Все поклон земной
И молитву пред ученьем
Пойте все за мной:
«Царю Небесный, Дух Святой!
Податель жизни и спасенья,
Все восполняющий Собой,
Дух правды, мира, утешенья,
Сам посети нас, Вездесущий,
Источник блага и любви,
Спасенье дай и в день грядущий
К ученью нас благослови».
Спели. Снова оградитесь
Знаменьем креста
Всечестного и садитесь
На свои места.
Смирно. Требую вниманья
На один часок;
Будет мира о созданье
Первый вам урок:
О всемощной силе Бога,
О Его любви
(Да держи, брат, ухо строго,
Все слова лови).
И про Троицу Святую
Буду толковать,
А затем вам продиктую,
Что и как писать.
И прочтем из Часослова
Два иль три листа,
Из Евангелья Святого
Про житье Христа.

После выйдем и подышим
Воздухом, потом
Мы счисление напишем
И в уме сочтем.
И затем сказать вам нужно,
Как на свете жить
Вы должны со всяким дружно,
Как Царю служить.
Слушать и сидеть спокойно...
Вечер. Пятый час.
На молитву стань. «Достойно»
Пойте все зараз.
Ну и с Богом, выходите,
Милые мои.
Что здесь слышали, несите
Вы в дома свои.
И читать, молиться Богу
Вы своих родных
Приучайте понемногу
И любите их.



НА ПОГОСТЕ

О чем, о чем так грустно, так уныло
Шумите вы, осенние березы?
Зачем, зачем на тихие могилы
Роняете задумчивые слезы?
Осыпался покров ваш изумрудный...
О нем ли сетуя, его ль жалея,
Вы тихо стонете? Иль непробудный
Сон мертвецов так бережно лелея,
Поете песни вечному покою
Всех тлеющих под гробовою сенью?
Иль плачете над жизни суетою,
Влекущей все живое к тленью?
Задумавшись глубоко, я внимаю
Ваш шум однообразный, шум угрюмый
И над могилой матери склоняю
Мои колена, полный горькой думы
О непостижной тайне замогильной,
О неизбежной смерти роковой...
Но ничего не видит ум бессильный
За темной гранью сени гробовой.

РАЗДУМЬЕ

Какая глубокая тайна
В явленьях борьбы роковой!
Все в мире творится ль случайно
Иль всюду закон мировой?
Зачем меж собою веками
Враждуют людей племена,
И кровь их струится реками
На брани во все времена?
Зачем эти слезы и стоны,
Обиды и злобная месть,
Пред златом земные поклоны,
Пред силой ехидная лесть?
Зачем восстает брат на брата
И ссорятся дети с отцом?
Гонимый добычею злата,
Разбойник идет с кистенем
И с лютостью дикого зверя,
С бесчувственной грубой душой,
В померкшую совесть не веря,
Льет кровь беспощадной рукой?
Дикарь ли, народ просвещенный
(Стыдись, просвещенный народ!),
Враждой ли, корыстью ль прельщенный,
Противника с яростью бьет.
Из зависти, мести, коварства
Кипит между смертных война –
И рушатся целые царства,
И гибнут людей племена!
И где не залитая кровью
На бедной земле сторона?
Где царствуют правда с любовью?
Когда же придут времена,

В которых забудут Ваала
И крови уже не прольют?
Когда же мечи на орала
И копья на серп раскуют?..
Но царство на царство войною
С оружием грозно идет –
И льется багряной рекою
Кровь смертных – кровь братьев течет!..

* * *

В сердце холодном тоска залегла.
Ум обуяла сомнения мгла.
Грусть неисходная в сердце моем.
Бедствия, горе да слезы кругом.
Им ведь исхода, конца не видать –
Что ж человеку от них ожидать?

ПОЧЕМУ?

Всех веков и народов поэты
Нам весну воспевали не раз,
Ее милые сердцу приметы,
Что чаруют и радуют глаз:
Изумрудную зелень растенья
И небес бирюзовый шатер,
Соловья задушевное пенье
И полей необъятный простор...
Хоть от песни да жизненной были
Переход должен быть невелик,
Почему же воспеть позабыли,
Как весною страдает мужик?
Когда пусто в холодном овине,
В закромах ни пылинки муки
И на корм изнуренной скотине
С крыши прелой соломы пуки
Надо стаскивать волей-неволей
(Ведь весною гроша не добыть),
А на плохо удобренном поле
Озимь, будто больная, глядит...

3 апреля 1887 года

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Пора любви и вдохновенья
И всей природы обновленья,
Пора надежд и сладких дум,
Весна! Зачем твой светлый шум
Меня, как прежде, не пленяет
И грудь мою не наполняет
Волненьем радости живой?
Зачем, печально головой
Склонясь, о прошлом сожалею,
Надежд отрадных не лелею,
Утратив чары юных грез,
О смерти думаю без слез?
Зачем и в светлые дни мая
Терзает сердце грусть немая
И безнадежная печаль,
И, глядя будущего в даль,
Предвижу мрак седой несчастья,
Ни сожаленья, ни участья
Уже не чая от людей
В печальной участи моей?..

* * *

Тяжелый крест мне дан судьбою,
И труден мой тернистый путь.
Другого нет. И нет покою
Хоть час за книгой отдохнуть...
Все лето, занятый работой,
Усталый за день трудовой
И угнетаемый заботой,
Тащуся с поля я домой
Вздохнуть и укрепиться малость...
И вот волнение – писать!
Но... вдруг зовут... какая жалость!
Бросаю все, иду опять...
Иду, спеша, на жатву в поле,
Пыл остывает – и сюжет,
Бледнея, тает поневоле...
И жалко, грустно, силы нет!
Лишь ночь – моя, и то зимою:
Тогда с усталой головой
Назло здоровью и покою
Пишу дрожащею рукой.
И льются песни вдохновенья
В тиши безмолвия ночей,
Пока не просит приношенья
Жестокий бог – старик Морфей.

НОЧЬЮ

Не уснул я всю ночь ни на волос...
В стонах бури полночной порой
Слышу чей-то рыдающий голос
На погосте за ближней горой.
Кто же плачет? Бедняк-сиротина
Из могилы родную зовет?
Или мать, потерявшая сына,
Неутешные слезоньки льет?
Или старец-поэт позабытый
И с летами утративший жар,
Ударяя по лире разбитой,
Посылает последний свой дар,
Дар чудесный, дар песни прощальной,
Как приветствие, грешной земле.
И звучит, как напев погребальный,
Песня грусти в полуночной мгле.

ПОЭТУ

О, музы жрец! в уединенье
В часы восторга вдохновенья,
Забыв усталость и покой,
Взволнован счастьем иль тоской,
Бряцаешь ты на вещей лире,
Когда душой в волшебном мире
Святой поэзии паришь
И песни дивные творишь...
Но свет в земных заботах дремлет,
И, равнодушный, он не внемлет
Ни звуки лиры золотой,
Ни сладкозвучный голос твой,
Могучий, вещий, вдохновенный.
Но, музы раб и жрец священный,
Наперсник славы, мой собрат,
Вещай... Потомки оценят
Тебя; поймут твой славный гений,
И красоту твоих творений,
И прелесть дивную в стихах;
Они на твой истлевший прах
Поставят, денег не жалея,
Колосс чугунный мавзолея;
К нему проложат торный след;
Отыщут пыльный твой портрет
И уберут его цветами,
И восхищения устами
Воскликнут: «Как он дивно пел!»
И в честь твою немало дел,
Любимых светом, совершится.
Обедов много состоится;
На них вино польют рекой
Души твоей за упокой.
«Слова» и тосты раздадутся,
Аккорды дивные польются...
Лишь об одном забудет свет –
Что мертвому в том пользы нет.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ НЕСТОРУ, ЕПИСКОПУ СМОЛЕНСКОМУ (прошение в стихах)

Преосвященнейший Владыко!
Живя почти в пустыне дикой,
Я хлеб свой ем в поту лица –
Храню я заповедь Творца.
Все лето я тружусь на поле,
А в зиму обучаю в школе
Священной грамоте детей
Деревни маленькой моей
Не менее лет двадцать сряду.
По бедности своей в награду
За долгий и нелегкий труд
Селяне мало мне дают –
Едва кусок насущный хлеба.
Но не ропщу я против неба,
Ни против холода людей
К печальной участи моей.
Богатства-праха не желаю
И славы жаждой не пылаю,
Но только песнью жизнь свою
Я услаждаю. Я пою
И песни радости и горя,
С судьбою незавидной споря.
Я, забывая света шум,
Уединяюсь ради дум...
Порою скорби неисходной
Я уношусь душой свободной
В тот чудный мир, где горя нет,
Ни мелких дрязг, ни тяжких бед.
То мирно, то в душе с тревогой
Иду я жизненной дорогой,
Довольный участью своей,
Хотя не вижу красных дней...
Не раз моя простая лира
Взывала скромно к сильным мира,
Будя счастливцев сонный слух, –

Но кто счастлив, тот нем и глух
На зов несчастного поэта.
И я оставлен без ответа.
Забытый, жалкий, брошен я
В волну печального житья
С нуждою воевать. И ныне,
Подобно голосу в пустыне,
Стыдливый клич моей души
Замолк без отзыва в глуши.
Но не замолкло вдохновенье
Во мне; в часы уединенья
Мне тайно говорит оно,
Что мне осталося одно,
Преосвященнейший Владыко:
Пред Вашей милостью великой
Склониться бедной головой
Со всепокорною мольбой,
Небесный дар благословенья
Прося у Вас на путь спасенья,
На путь несения креста
Во имя Господа Христа;
Вас умолять о снисхожденье
Принять мои произведенья –
Часов досуга слабый труд
Вниманью Вашему на суд!
Простите, если беспокою
Нелепой просьбою такою!
Но, Архипастырь и Отец!
Пред Вами не лукавый льстец.
Нет, ублажаемый Святитель,
Я – самый искренний проситель
И Вашей паствы верный сын,
По званью бедный селянин.
Простите смелости поэта,
Что в простоте, без этикета,
Быть может, не в урочный час
Посмел обеспокоить Вас!

ЕМУ ЖЕ

Священный дар благословенья
Приняв от Вас, гляжу смелей
На жизни бурное теченье:
Оно мне кажется светлей.
Душа полна надежды сладкой,
И, вспоминая Вас, порой
Невольно плачу я украдкой
Скорбяще-радостной слезой.
И вновь среди житейской битвы
Да укрепит меня Господь,
Оружием креста, молитвы
Да побеждаю мир, и плоть,
И козни все врага спасенья,
Да обновляюсь день от дня...
Пошлите мне благословенье
И помолитесь за меня!

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Уж полночь. Тишь уединенья.
Огни в домах всего селенья
Потухли.
Не сплю. Пишу стихотворенья.
Устал. Глаза мои от бдения
Опухли.
Напрасный труд. Мои творенья,
В бумагах лежа без движенья,
Протухли.
Что будет дальше? Без сомненья,
Сгниют они до появленья
Их свету.
Не то злой рок без сожаленья
Возьмет да бух... мои творенья
Все в Лету.
И смерть им всем в реке забвенья,
Где быть и мне, рабу терпенья,
Поэту.

ПОДРУГЕ

Ее душевной красотою
Пленяться я считал грехом:
С моей ли вечной нищетою
Мечтать о счастии таком?
В глуши лесов, вдали от света
Она погибнет, как цветок.
Проклятьем вечным гибель эта
Меня убьет. Но чудный рок
Судил иначе. Без призыва
Она мне душу отдала,
И в нищете, добра, правдива,
Она мне светочем была.
За подвиг самоотверженья
Житья со мной что дать могу?
Коптелый угол да лишенья,
Что не желал бы и врагу?

1 августа 1887 года

ЖЕНЕ

Тебе, тебе, мой друг бесценный,
Глубоко любящей людей,
И в подвиге добра смиренной,
И кроткой в бурях жизни сей, –
Имея слабое искусство
Вложить дар музы в стройный стих,
Я посвятил святые чувства
И лучший плод трудов моих:
Плоды восторга, вдохновенья,
Плоды сердечного волненья,
Заветных дум и тайных слез,
Отрадных и печальных грез...
Как знать? Отмеченный судьбою,
Быть может, славен буду я –
И буду счастлив я с тобою,
И обновится жизнь моя...

ЕЙ

Как в тундре дикой и пустой,
Где все живое замирает,
Сиянье севера сияет
Своей волшебной красотой
И мрак мертвящий оживляет
Хотя на миг; или во мгле
Ужасной бури в океане,
Как светлый ангел на скале,
Блестит маяк в ночном тумане –
Так и в пустыне бытия,
Под гнетом скорби изнывая,
Иду путем тернистым я.
Кругом все тьма да глушь немая...
Внезапно ты явилась мне,
Вся тьму печали разгоняя,
Как луч рассвета в вышине...

9 июня 1894 года

* * *

Поле озимью
Изумрудною
Зеленеется,
А кругом полей
Грядой темною
Лес чернеется;
Над рекой туман
Белым пологом
Расстилается;
По траве роса
Бриллиантами
Рассыпается.
Пташки с песнями
В поднебесную
Высь уносятся.
Улететь туда,
К моей радости,
Сердце просится.

ИЗ ПОРВАННОЙ ТЕТРАДИ

1.

Связана узами слова,
Пленница мнений людских,
Что же мечтаешь ты снова
О наслажденьях былых?
Что перстенек обручальный
Кроешь под нежной фатой?
Что так поникла печально,
Как над могильной плитой?
Слышишь, как звучно и стройно
Хор, торжествуя, поет —
И уж давно неспокойно
В храме жених тебя ждет?
Как твоим пышным нарядом
Гости любуются все?
Но за священным обрядом
Ты предстоишь как во сне!
Что это блесткой жемчужной
Быстро по щечке скользит?
Слезы! Теперь их не нужно.
После ты будешь их лить!

2.

Зарею Нового Завета
Под мой вступила ветхий кров
Ты с веткой мира, ангел света, —
Тебе молился я без слов!
Твоей души любвеобильной
Незаходимый яркий луч
Пронизал вмиг мой мрак могильный,
Как солнца свет громаду туч.
Мои сомненья и печали,

Как духи зла пред божеством,
Все постепенно исчезали –
И всем я ожил существом...

3. К иконе

На лоне Матери Святой
Младенец дивный, «Ветхий днями»,
Глядит из рамы золотой
Любвеобильными очами.
Простерши Творческую Длань,
Как бы вещает Он: «Восстань,
Несчастный грешник... Я с тобою.
Я вижу гнет твоих скорбей
И слышу стоны покаянья,
И милосердия елей
Готов целить твои страданья.
Забудь лишь злобу, не вреди
Тебе подобному собрату,
Зажги любовь в своей груди –
И в небесах получишь плату,
Как тот наемник, что лишь час
В моем работал вертограде.
Спеши же, чтобы не угас
Последний луч в житейской страде,
Чтоб не застигла смерти тень
Тебя в разврате, злобе, лени,
Чтобы последний жизни день
Был первым днем в небесной сени.

4.

Утопает мой взор в этой синей дали
    Необъятных пучин небосклона,
Где прекрасные звезды свой светоч зажгли,
    Эти яхонты Божьего трона.
Эти вечные в книге небес письмена,

Как бы отблески славы нетленной,
Возвещают нам громко во все времена
О премудром Владыке вселенной.
Там пристанище нашим болящим сердцам
Уготовано Мощной Десницей...
Вознесемся ж свободно к святым небесам,
Как простимся с земною границей.

5. К картине

Лучи багряные рассвета
Позолотили выси гор,
И купы лилий Назарета,
И бедный пастырей шатер,
И скалы серые пещеры,
Где за молитвой и трудом,
Исполнен животворной веры,
Склоняясь над плотничьим станком,
Уж доживал в суровой доле
Почтенный старец-древодел,
Во всем покорный Божьей воле,
На скромный не ропща удел.
Он не один: пред ним цветущий,
Как благовонный сельский крин,
Как стройный лавр весенних кущей,
Стоит преемник-сын.
Лучи небес и прелесть рая
В его задумчивых очах:
Волной серебряной блистая,
Чело высокое в кудрях!
Как агнец, кроток и послушен,
Разумен, ласков, незлобив,
Ко всем равно великодушен
И неизменно справедлив...
На нем не царская порфира –
Простой лазоревый хитон,

Но он глядит владыкой мира,
На миг покинувшим свой трон.
Кто ж этот юноша чудесный?
Откуда он ведет свой род?
Зачем он здесь в пещере тесной
Смиренно тяжкий труд несет?
Он – упование народа,
Пророческих речей предмет,
От власти ада Он – Свобода,
Во тьме сидящих – Вечный Свет.

15 сентября 1887 года

К Н. ПСАЛЬМОВОЙ

Друзей двусмысленные взгляды
Встречая, пылкою душой
Волнуюсь – и искать отрады
Иду к тебе, друг милый мой.
Врага ль язвительное слово,
Насмешку ль слышу, скорбь тая,
К тебе я поспешаю снова,
Подруга милая моя,
Обидой глубоко страдая,
Печально голову склоняя.
А ты, мне ласково внимая,
Глядишь с участьем на меня.
И этот взгляд участья милый
Мне утешенье в сердце льет,
И слово ласковое силы
Сносить обиды мне дает.

РОМАНС

Что поешь так печально, друг милый,
Заливаешься горькой слезой,
Надрывая последние силы
И мне сердце терзая тоской?
Без того тяжела моя доля,
Сердце гложет забота-змея,
И, как узнику злая неволя,
Надоела мне бедность моя...
Ободрись – и горючие слезы
Ты улыбкою с личика смой
И, забыв злой судьбины угрозы,
Мне веселую песенку спой.

ЮНОСТЬ

Что ты в память мне оставила,
Юность бедная моя!
Плакать ты меня заставила,
Как и ныне плачу я.
Ярким солнцем ты светилася,
Зорькой утренней порой,
То волной страстей мутилася,
То туманилась слезой.
Но те слезы были сладостны,
И печаль тепла в груди,
И заботы жгуче-радостны,
А надежда впереди
Так приветно улыбалася,
Что и горе нипочем;
И кипела, волновалася
Молодая кровь ключом.
Лаской жизни очарованный,
С прояснившимся челом,
Я летел в край заколдованный
Победителем-орлом...
Ах ты, юность, юность милая,
Ты куда, зачем ушла?
И зачем ты, старость хилая,
Гостьей мрачною пришла?

ПЕСНЯ ГОРЯ

Мы, два друга, живем,
Труд и горе несем,
Провождая дни грустные, скучные,
А досуга порой
Вдохновенной душой
Сочиняем стихи благозвучные:
Я все юность пою,
Вспоминая свою
Жизни радость былую свободную,
А подруга одна
Все сидит, холодна,
Погружаясь в тоску неисходную...
Я скажу: «Все снесем,
Горе легче вдвоем».
И мы оба в слезах улыбаемся.
«А коль нечего есть?»
«Ну не в петлю же лезть,
Как-нибудь, мол, авось, пропитаемся.
Все пройдет, все пройдет».
Тогда друг мой поет,
А на грудь голова ее клонится –
И от песни ее
Ноет сердце мое,
И слеза за слезой так и гонится,
Надрывая мне грудь...
«Полно... горе забудь:
От судьбы не уйдешь, будь покорною».
Но рыдает она,
Горя, скорби полна,
Сражена безнадежностью черною...
«После бури опять
Будет солнце сиять».
«Да», – ответит она мне вполголоса,
Смахнув слезы с лица.
Но без воли Творца
Не спадет с головы нашей волоса.

Ведь одни, без друзей,
Не видав красных дней,
Мы бесцветную молодость мыкали.
«Да... но что же теперь?
Старость просится в дверь,
А мы горе, гнев Божий, накликали.
Грянул гром роковой
Над моей головой
И сгубил мою силушку хилую!
Вперед выхода нет...
И я вяну, как цвет,
И здоровьем, и нравственной силою», –
И заплакала вновь,
Горлом хлынула кровь,
Помертвела совсем и, вся бледная,
Стонет: «Нечем дышать».
Я начну утешать:
«Успокойся, страдалица бедная...
От обиды людской
И от жизни такой
Под крестом мы в сырой земле спрячемся...
Вместе жили – рядком
И в могиле уснем».
И мы снова невольно расплачемся.

30 августа 1888 года

ДУМА

Душа моя болит и ноет...
И пуст, и чужд холодный свет.
Увы! Кто мне глаза закроет,
Когда умру? Потомков нет...
Когда сойду под свод могилы,
Кто помянет меня? Друзья?
Увы! На них надежды хилы:
Людское сердце знаю я...
Исчезну я, пришлец мгновенный.
Увы... Ужель и как поэт
Собратьям песни вдохновенной
Я не оставлю на привет?
Ужели в суете беспечной
Все, все забудут обо мне?
И над моей могилой вечной
Споет лишь птичка по весне?

* * *

Яд жгучей скорби жизни под грозою
Смывается лишь горькою слезою:
Светлей глядят заплаканные вежды,
И дышит грудь отрадою надежды –
Так после мрака тучи непроглядной
Природу оживляет дождь прохладный.

ПРИЗРАК СМЕРТИ

В желтеющем на дереве листке
И в мотыльке, уснувшем на цветке, –
Повсюду смерть следы свои являет
И жизнь мою печалью отравляет.
Она тоской преследует меня
В закате даже гаснущего дня;
Во мраке полночи грозит могилой
И грешный дух мой с непостижной силой
Унынием и ужасом томит...
У изголовья предо мной стоит,
Безмолвная, объятья простирая,
И, впалыми очами пожирая
Меня, глядит недвижимо и ждет...
И мнится, тленья запахом несет
От длинного плаща ее, от гостьи белой...
Я не дышу, от страха онемелый.
И жалко с жизнию расстаться мне,
И мило все до пятен на стене,
И снова дорог мне приют мой милый,
Приют смиренной нищеты унылой.

БУДУЩИМ ПАСТЫРЯМ
(воспитанникам Смоленской духовной семинарии)

I.

Как в море, на дороге трудной
Поставлен бытия Маяк,
И блеск его нетленночудный
Нам озаряет жизни мрак.
Для всякого доступен ока
Его спасительный фонарь;
О нем поет мудрец востока
И бедный северный дикарь;
Его уж знал патриций Рима
И пышной Греции тиран;
К нему влекло неодолимо
Народы всех веков и стран...
И, жаждой почестей томимый,
Ученый раввин, буквы раб,
Узнал в нем знак Ерусалима,
А гордой Персии сатрап
Ему дивился, как заметил
Тот луч сквозь сень своих садов,
И на призыв его ответил
Забвеньем сказочных богов.
Блуждая в роще заповедной,
Суровый властелин славян
Увидел свет его победный
Сквозь распрей и вражды туман...
Больной лишь слепотой духовной
Не видит тот могучий свет:
Во тьме греха стопой неровной
Он бродит, тонет в море бед.
Маяк тот – Крест. На нем библейский
Завет для смердов и царей:
«Смотри, распят Царь Иудейский,
Распят Иисус!»

II.

Точно в недрах земли драгоценный алмаз,
Как руда золотая, хранится –
Так в сердцах ваших юных богатый запас
Сил нетронутых скромно таится.
Вам, счастливцам, на свете пути не искать,
Не мрачна вам мирская арена:
Бездны грязи людской будет вам освещать,
Словно яркий фонарь Диогена,
Свет Христа. Только выше, прямей
Вы держите его над собою,
Чтобы новый какой Авирон иль Корей
Не затмил этот свет пред толпою.
Без сомнений и страха идите вперед...
Хоть трудна вашей жизни программа,
Честь и вера вам будут надежный оплот
От падений; лишь твердо на рáмо
Положите свой крест... И тогда пусть судьба
Вам откажет в богатстве и славе,
Пусть вас встретит со злобой порока борьба –
Безопасно по жизненной лаве
Вы дойдете до цели высоко-святой,
Что указана вам Провиденьем:
Озарять наши души, объятые тьмой,
Мудрым словом, лучом просвещенья!
Если ж сами нечайно вы с правой стези
К роковому свернете порогу
Искушений, то в их не коснейте грязи,
Снова к свету ищите дорогу!

ПОЗДНЯЯ ГРОЗА

Настала ночь. Сижу я дома.
Вдали гудят раскаты грома.
Сверкают молнии – и мгла
Зловеще небо облегла.
Шум бури ближе... недалеко...
Вдруг небеса во тьме глубокой
Мгновенно вспыхнули огнем,
И раскатился страшный гром
И, мнилось, землю с места сдвинул!
Качнулся воздух, ливень хлынул
И залил все за полчаса...
Забушевали небеса.
И страшно буря злая воет,
Колышет зданья, кровли рвет...
И стихла буря, спит во мгле...
Но что творится на земле!
Вода в реке забушевала,
Мосты, плотины посорвала
И, разрушая берега,
Залила нивы и луга...

1889 год

ТО ЖЕ

Сентябрь. Двадцатое число.
Опять гроза, как прошлый год!
По небу туча тяжело
От юго-запада идет...
И тьмой покрыла все кругом.
И ветер ставнями стучит,
Летает молния – и гром
Вслед оглушительно гремит...
Любуясь позднею грозой,
Я сознавал: я жалкий прах,
И умилялся я душой
И ощущал невольный страх.

БОГОМАТЕРИ

Несравненная в славе Твоей,
Дева чистая, Матерь Христа!
Ты архангелов Божьих славней,
Ты нетления цвет, красота!
Приклонися с небесных высот
К обитателям дольной земли
И спаси православный народ,
Утешение в скорбях пошли!
Со страстями и злобой врагов
Помоги мне в жестокой борьбе!
Изнывая под ношей грехов,
Сокрушенно молюся Тебе...

Н.В. ПСАЛЬМОВОЙ

Страдалица, как много горя
В бездольной жизни ты несла,
И горьких слез какое море
Ты безнадежно пролила!
Покинуть мать, семью родную,
Расстаться с родиной-Москвой
Легко ли? Жизнь узнать иную
В среде селян, в среде простой?
В среде непросвещенной, темной,
Снося насмешки клеветы,
Жила отшельницею скромной...
А сколько бед узнала ты,
Когда в убогой сельской школе
Трудилась ты из-за «куска»,
Трудилась за работой в поле,
Не видя красного денька!
Но все ж тернистою дорогой
Ты шла под ношею креста,
Роптаньем не гневила Бога,
Сомкнув печальные уста.
Врагам молчаньем отвечала
И лишь безмолвию ночей
Свои обиды поверяла,
Скрывая слезы от людей...
Но слышал я твои рыданья
Ночей в безмолвной тишине,
И видел я твои страданья,
И горько, больно было мне.
Себя виновным сознавая
В твоей безвыходной судьбе,
Скорблю глубоко, дорогая,
Что не могу помочь тебе,

Что не могу свинцовой тучи
Скорбей твоих прогнать грозу,
Твоей тоски, печали жгучей
Бессилен утереть слезу...
От горя выхода не зная,
Смущенно потупляю взор,
И ноет, ноет грудь больная,
И совесть шепчет мне укор...
Но вот болезнь меня скосила –
И сколько вновь трудов, хлопот
И горькой скорби ты сносила
Средь удручающих забот!
День-ночь ты у моей постели,
Внимая мой тяжелый стон,
Сама живая еле-еле,
Сидела, забывая сон...
С какой заботливостью нежной
Лечила мне больную грудь –
И я, страдая безнадежно,
Порой спокойно мог дохнуть.
Забуду ли твое уменье
Больное сердце утешать,
Неодолимое терпенье
Его капризы исполнять?
Забуду ли, как ты усердно,
Вся полная любви огня,
Перед Царицей Милосердной
В слезах молилась за меня?
И твой уход, и попеченье,
Забота обо мне твоя
Мне принесли выздоровленье...
Твою любовь забуду ль я?

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

То-то долюшка горькая. Летней порой
Я, хозяин, три месяца, три без недели,
Изнывая, лежал безнадежно больной,
Как железною цепью прикован к постели.
И, промаяв все лето, я в осень воскрес...
Выхожу на крылечко. Поля уж пустеют.
Холод, ветер и дождь. Обнажается лес;
Лишь кой-где на березах листочки желтеют.
С поля сено соседи убрали давно,
И, сухое, зеленое, в стогны сложили,
И снопы за погоду свезли на гумно,
А нескошенный луг мой скотом потравили.
Лишь овес кое-как мне удалось убрать
И свезти, полумокрый, к чужому овину.
Молотить бы его, да за что же нанять?
А оставить и ждать – погниет вполовину.
Одному мне, больному, работать невмочь,
А соседей вчера – они были на сходке –
Я с поклоном просил как-нибудь мне помочь...
Не добился и толку без четверти водки.
Я вздохнул, и – домой, и подругу застал:
Вся в слезах. Ну, мол, полно, что плакать? Довольно.
И не вытерпел сам, с горя духом упал,
И, склоняясь над столом, я заплакал невольно.
И теперь сам не свой: что тут делать? Как быть?
Я ломаю башку над мудреной нуждою:
Одинокому, где мне копейку добыть?
Чем скотинке питаться холодной зимою?
И долги тут грызут. Что же будет вперед?
На дворе – поглядел – хлев, изба покосились.
Обо всем как подумаешь – страх заберет.
И одежей – о, стыд! – мы совсем износились...
Все пошло как назло. Ни копейки в мошне.
За болезнью моею вся стала работа.
И зачем я вставал? Умирать бы уж мне...
Эх ты, доля моя, – беднота да забота!

ОТЦУ З.И. ЗЕЗЮЛИНСКОМУ

К одру болезни пригвожденный,
Несносно, долго я страдал,
И дух, тоскою угнетенный,
Нетерпеливо изнывал,
И тело таяло и чахло
В жару тифозного огня:
Оно уже могилой пахло,
И все слабел я день от дня...
Боль резала меня, как бритва,
И у порога смерть ждала,
Но Ваша за меня молитва
Мне встать нежданно помогла.
Вы в храме, у престола Бога,
За литургиею святой,
Вы за меня молились много,
Скорбели, как отец родной...
Примите ж, пастырь незабвенный,
Как выраженье чувств моих
В залог любви моей смиренной
Из сердца вылившийся стих!

М.М. АМ..... КОМУ

Влачу дни грустно, прозябаю
В уединении, в глуши.
Но как я рад порой бываю,
Как благодарен от души,
Когда в письме друзей надежных,
Как солнца луч сквозь облака,
Блеснет мне между строк небрежных
Любви, участия строка!
Душа надеждой озарится,
И прояснится взор очей,
И сердце радостно стучится
В надломленной груди моей.

М.Н. КАМЕНЦЕВОЙ

Один желает жить в цветах,
Другой любви святой в мечтах,
Иной в богатстве и шелку,
А я... в смиренном уголку
Ищу труда – заняться делом,
Чтоб хлеба лишь иметь кусок.
В моем желании несмелом,
Кажись, полет мой невысок –
Но долечу ль, куда хочу я?..

30 августа 1899 года

ЖАЛОБА

Уж который я год
Бьюсь как рыба об лед,
Но чего, наконец, я добился?
За труды – нищеты,
За любовь – клеветы,
А за правду почета лишился!
Те, кого почитал
И друзьями считал,
Ров погибели мне ископали.
Если б я лишь хотел,
Да любви не имел,
Сами б в ров свой злодеи попали.
Ну, да Бог им судья!
Он защита моя,
Он примером будь мне всепрощенья:
Никому Он не мстил
И врагам все простил –
В его руки предам и отмщенье...

ОСЕНЬ

Угрюма ты, осень, уныла!
Канвою поблекших полей
Не образ ли доли моей
Безвыходной – ты начертила?
За темною мглой облаков
Не видно небесной лазури,
Не видно на поле цветов,
В лесу обнаженном стон бури...
Задумчиво ветер гудит,
Деревья высокие клонит
И листья опавшие гонит,
А дождь все кругом леденит...
Все блекнет во мгле, умирая,
Пронзителен воздух сырой –
Без жизни стоит под горой,
Шатаясь, былинка сухая...
Угрюма ты, осень, уныла!
Канвою поблекших полей
Не образ ли доли моей
Безвыходной – ты начертила?

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Наземь спускается ночь благодатная.
Звездочкой в небе зажглось
И над землей понеслось
Веянье чудное и непонятное –
Тихого света волна...
И, вдохновенья полна,
Грудь мне волнует отрадою сладкою...
И представляется мне:
Что-то плывет в глубине
Неба, и теплится тихой лампадкою,
И, задремавши во мгле,
Луч посылает земле
Радуги дивной, блестя переливами;
То, изменяя цвета,
Движется в виде креста,
Ярко блистая лучами игривыми;
То, как бы столп огневой,
К югу, над дальней страной,
Тихо плывя, величаво спускается
И полуночной порой
Над невысокой горой
Остановилось. И мне представляется:
В яслях пещеры лежит,
Весь пеленами обвит,
Новорожденный Младенец с небесною
Кроткой любовью в очах,
А на святейших устах
С неизъяснимой улыбкой чудесною
В счастье, склонившись пред Ним
С благоговеньем живым,
Чудом рожденья Его удивленная,
Матерь Его предстоит,
Радость святую таит
В сердце, как Матерь и Дева нетленная...
И взволновался эфир...
«Слава на небе и мир

Дольной земле, человекам спасение!
Благословен Вышний Бог!
Ум чей постигнуть бы мог
Дивную тайну Его воплощения?
Мира Творец и Господь
Днесь облекается в плоть!» –
Неба в сиянье вещают небесные
Лики бесплотных певцов.
В страхе толпа пастухов
К гроту идет, и цари неизвестные
За путеводной звездой
Трое к пещере святой
Радостно, с верой живой, приближаются
И, поднося Ему дар,
Золота чистого дар,
Смирну, ливан, до земли поклоняются.
Ладан – как Богу Творцу,
Смирну – за всех Мертвецу,
Злато – Царю всех царей и Спасителю.
Радуйтесь, братья, со мной
И благодарной душой
Пойте хвалебную песнь Искупителю!

ТРОПАРЬ БОГОЯВЛЕНИЯ

Ты, Божеством небес не оставляя,
Христе, от Девы чистой воплотился
И, мир от вечной гибели спасая,
В Иордане плотию крестился.
И се, нисходит дух животворящий,
Как голубь над Твоей главой летает,
И глас Отца, из облака гремящий,
«Сей есть возлюбленный мой Сын, – вещает, –
В котором все мое благоволенье»,
О Божестве свидетельствуя Сына...
И мир чудесное поет Богоявленье,
Познав в трех лицах Божество Едино.

ПРОЩЕНЫЙ ДЕНЬ

Полдень. Ветер дует с юга.
Ясен синий небосвод.
Стоном стонет вся округа,
Всюду пьянствует народ...
Песни льются, крик веселья,
И катанье целый день,
И разгулье, и похмелье,
Пир горой у деревень!
Заговенье, воскресенье,
День десятый февраля,
День со всеми примиренья –
И все пьяны «поваля».
Вон мужчины носом пашут,
Вон старик свалился в снег,
Две старухи бойко пляшут,
Возбуждая детский смех.
А в питейном забияки,
Позабыв прощены дни,
Лезут в драку, – а зеваки,
Им кричат: «Пущай они...
Завтра их на мировую
Мы сведем и всей толпой
Выпьем водки ведровую
В понедельник-то кривой».

ДУМА ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ

На затверделой земле, как железной,
Все пожелтело и чахнет от суши.
Так меж собой во вражде бесполезной
Чахнут и люди – жестокие души.
Коршун, я вижу, спустился над лугом,
Птичку схватил и терзает нещадно.
Так вот и люди, враждуя, друг с другом
Борются насмерть, хоть складно да ладно
Нам фантазеры-поэты вещают:
Хвалят людей да века золотые
Мира всеобщего им обещают...
(О, если б то не химеры пустые!)
Вовсе другое мы видим на свете:
Зло развивается, нравов растленье
Распространяется, вечные сети
Ставят друг другу людей поколенья.
И в единицах – я опытом знаю:
Если я бедствую – чувства злорадства,
Вместо участия, в ближнем встречаю...
Где же любовь тут? Где дружба и братство?
Если нежданно свалилось мне счастье,
Если я выкопал клад заповедный,
Сколько друзей с изъявленьем участья,
Чахнущих тайно от зависти бледной!
Это ль аркадские нравы простые?
Видно, и люди, что коршун, жестоки.
Трудно мне верить, что крови потоки
Уж не прольются в века золотые...

ВЕСНОЮ

Пришла весна. В природе оживленной
Любило все, и пело, и цвело;
Ручей шептался с рощей обновленной,
И ласточки блестящее крыло
Парило весело над зыбью серебристой
Прозрачных рек... И зеленью лугов,
Живыми красками цветов,
Прохладой рощицы душистой
И ярким пурпуром сияющей зари
Весна мне юная твердила неотступно:
«Страдалец жалкий, исчезай, умри,
Тебе мое блаженство недоступно!
Болезненное, слабое, как ты,
Ничто печалью, стонами страданья
Не омрачает путь земного ликованья,
Гармонии воскресшей красоты!»
Но блеск далеких звезд и свет луны полночной
С родимой лаской шептали мне:
«Живи, живи... Пробьет твой час урочный –
Есть место и тебе в небесной стороне!»

3 мая 1900 года

ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗИ МИ ДВЕРИ

Податель жизни и спасенья
И милосердный Боже мой!
Пошли мне слезы умиленья
И покаянья дверь открой!
Мой дух из храма плоти бренной,
Покрытой язвами грехов,
Спешит, надеждой окрыленный,
Как горький пленник из оков,
Как бедный узник из темницы –
Стремится в храм священный Твой
До восхождения денницы
О всепрощении с мольбой:
Не дай погибнуть мне, Спаситель!
Помилуй, и грехи прости,
И духа грешную обитель
Очисти, Боже, освяти!

НА СПАСЕНИЯ СТЕЗИ

Наставь меня на путь спасенья,
О Матерь Господа Творца!
Я смрадом зла и согрешенья
Души святыню до конца
И тело, храм души смиренной,
Нечистотою осквернил
И жизнь мою, сей дар бесценный,
Постыдно леностью сгубил.
Но Ты, Пречистая, моленья
Твои к Спасителю пролей,
Да я слезами умиленья
Омою смрад души моей.

МНОЖЕСТВО ЛЮТЫХ

Сраженный скорбью вспоминанья
Бесчисленных грехов моих,
Стону я в ужасе сознанья
Всей гнусности и смрада их
И, цепенея от боязни
Невыразимого стыда
Неизъяснимой вечной казни,
Трепещу Страшного суда!
Но, ободряясь упованьем
На милость, Господи, Твою,
К Тебе иду я с покаяньем
И сокрушенно слезы лью,
Взывая, как Давид: помилуй
Меня по множеству любви
Твоей и благодати силой
Дух падшего восстанови!

У ПЛАЩАНИЦЫ

Се, свершил Ты все страданья
За людские злодеянья,
Боже, смертию Своей!
И в бореньях безутешных,
За людей страдая грешных,
И в саду, и у судей,
На кресте, облитый кровью,
Все ж безмерною любовью
Человека Ты любил;
Горькой смертью умирая,
Ты, любовию сгорая,
За врагов своих молил.
«Совершилось» искупленье.
И за наши преступленья
В гробе Божий Сын лежит,
Весь израненный, избитый,
Окровавленный, повитый
Плащаницей... Страшный вид!
Плачут Ангельские Силы,
Здесь, в объятиях могилы,
Видя своего Творца.
Солнце дрогнуло, и плачет,
И в кромешном мраке прячет
Образ светлого лица.
В тьме кромешной, непроглядной
Гнев Господень беспощадный
За страданья Сына мстит:
В страшном гневе Саваофа
Вся колеблется Голгофа,
Вся вселенная дрожит!
Всюду ужас и смятенье...
Распадаются каменья,
Воскресают и встают
Из могил своих святые –
И живых сердца простые,
Содрогаясь, слезы льют!

Да и кто не содрогнется?
Кто, жестокий, не зальется
Градом горьких, жарких слез,
В ком из нас Твои страданья
Не возбудят стон рыданья,
Искупитель наш Христос?
Боже, горькою слезою
Обливаясь, пред Тобою
В тайном ужасе стою,
Полный горя и печали:
Ведь мои грехи предали
Страшным мукам плоть Твою...
Но Ты вечною любовью
Спас нас, спас Своею Кровью,
Искупил весь мир Крестом,
Всю испив страданий чашу.
Помяни же братью нашу –
Мертвых в царствии Твоем.
Свет пошли им, тьмой объятым,
И с разбойником распятым
В кущах райских упокой,
Нас же, грешных, погребенью
Твоему и воскресенью
Помолиться удостой.

НОЧЬ ПОД СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Торжественно полночь святая
Сошла. Звон кимвалов плывет...
И звезды, на небе блистая,
Горят. И нарядный народ
Спешит в храм, блестящий огнями.
И ладан душистый летит,
Клубясь голубыми волнами.
Храм светом, как небо, блестит...
И мнится, что все воскресает,
И сходит к земле свод небес
И светом людей покрывает,
Ликуя: «Спаситель воскрес!»
И духи умерших здесь, в храме,
Витают в сей радостный час
И, сладко беседуя с нами,
Любовно приветствуют нас.
Забылись земные печали...
И с чистой любовью уста
Вот так бы, так всех целовали
Во имя святое Христа!

УТРО ПАСХИ

Прохладный ветерок пахнул
И от села кругом понес
Колоколов отрадный гул:
«Христос воскрес! Воскрес Христос!»
Поет, резвясь, пернатых хор,
И, оживая, ближний лес
Шумит, и ручейки меж гор,
Журча, поют: «Христос воскрес!»
И, переливами огня
Играя в высоте небес,
Великое светило дня
Блестит, поет: «Христос воскрес!»
И купол неба, Божий храм,
Весь полон песнею чудес,
И по селеньям, здесь и там,
Несется песнь: «Христос воскрес!»

НА ПАСХУ

Восторгом радости пылая
И все печали забывая,
Я рад и петь, и ликовать,
Врагов друзьями называть;
Но нет врагов, все люди – братья.
Всех рад я заключить в объятья,
Всем, всем привет, любовь моя!
О, люди, братья и друзья,
Возлюбленный Израиль новый!
Бесценной кровию Христовой
Все мы равно искуплены,
Его наследники-сыны.
Любви Божественное море
Покрыло всех. Ни смерть, ни горе,
Ни ада жадные уста
По Воскресении Христа
Нам не страшны: Воскресший с нами!
Он вечной милости лучами
Рассеял скорбь, печали тень
В пресветлый Воскресенья день.
Святой любовию, что пламень,
Он сердце наше распалил,
Приваленный грехами камень
От двери райской отвалил.
И тварь вся радуется с нами,
Ликуют граждане небес!
Целуйте ж чистыми устами
Друг друга все – Христос воскрес!

ПЕНИЕ

Какое чудное несется пенье!
Взор никнет долу. Грудь моя полна
Восторга, пламенного умиленья.
А пение, как тихая волна,
Благоухая, бесконечно льется,
То вдруг, как гром, из облаков несется...
Жгут слезы грудь. И тайно плачу я,
И вереница грез над головою вьется,
И мнится, просветлела жизнь моя...

НА ОТДАНИЕ ПАСХИ

От дня великой Пасхи все недели
До Вознесенья пелась песнь чудес...
И детские толпы в селеньях пели
Невинною душой «Христос воскрес!»
За пашней в поле дева распевала,
И вторил ей одетый пышно лес,
И поле, зеленея, повторяло,
И пели птички голубых небес.
И, мнилось, вся природа, расцветая,
Торжествовала Пасху сорок дней.
Дыша отрадой, эта песнь святая
Вносила сладкий мир в сердца людей...
И смолкла вдруг. И жалко с ней расстаться.
Дождусь ли вновь того святого дня,
Чтоб снова дивной песнью упиваться,
Пока могила не возьмет меня?
Но будущее скрыто. На завесе
Его и мрак, и тайные слова...
Прощай же сладкое «Христос воскресе» –
Песнь радости, победы, торжества!

* * *

Полоска родная! Как часто и щедро
Слезами и потом моим поливал
Твое изнуренное мрачное недро,
Когда ему зерна свои поверял.
И ждал я с надеждой плода от посева...
Но ты мне родила звонец да костерь,
Как будто бы знаменьем вечного гнева
Была твоя дань. И от этих потерь
Усталое сердце сжималось бессильно.
Но, духом не падая, снова я ждал,
Когда нас порадуешь жатвой обильной?
И все же тебя никогда не проклял.
Все так же люблю тебя, жажду сердечно,
Чтоб кто-либо в гроб мой родною рукой,
Меня провожая в покой вековечный,
Ко мне положил твой комочек сырой.

12 мая 1897 года

В КЕЛЬЕ

Полночь глухая. Безмолвная келия.
С уст не слетает мольба.
Праздно лежит на столе рукоделие –
И, как ленивая к делу раба,
Дремлет душа. Пред духовными взорами,
Будто по ленте цветной,
Прошлого тени живыми узорами
Вьются, встают предо мной.
То прокатятся звездою падучею
Юности грезы, то вновь
Хлынет струею столь сладостной, жгучею
Эта земная любовь!
И не могу я те призраки грешные
Силой креста отогнать,
Как шаловливыми струйками вешними
Строгой зиме не владать.
Книги священной глаголы нетленные,
Я вас не смею читать!
Только и могут уста мои бренные
Слово «люблю» повторять.
Страшно поднять мне и взоры смущенные
На золоченый киот,
Будто грозят мне иконы склоненные,
Душен мне келии свод...

1 марта 1898 года

* * *

Девятнадцатый век
В бездну вечности быстро умчался...
Что же царь-человек?
В чем успел? В чем победой венчался?
Он в науках успел
И во многом... Но в жизни духовной
Только косно дряхлел,
Утопая в пучине греховной.
Полный тяжких забот
О наживе, о славе, о хлебе,
Он для плоти живет,
Забывая о духа потребе.
И жесток, и уныл,
И, объятый сомнения тьмою,
Без надежды поник головою.
Под невольным крестом
Он бредет – бьется сердце с тревогой,
Но не вслед за Христом,
А идет он «своею» дорогой...
И, не видя ни зги,
Он тревожно глазами поводит,
Замедляет шаги
И нежданно к могиле приходит.
Только ахнет пришлец,
Перед бездной когда очутится,
И падет, наконец,
И земля в землю вновь возвратится...

16 апреля 1898 года

БОЙ ЧАСОВ

Печален бой часов наедине.
Он думы грустные наводит мне.
Он говорит, что каждый час
К могиле приближает нас...

Итак, зачем же я земным пленяюсь,
За тенью наслаждения гоняюсь,
В забвенье дни свои гублю?
Зачем в напастях я скорблю?

Когда вся жизнь моя – одно мгновенье
И призрак мимолетный сновиденья?
Как вздох незримый ветерка,
Минуют радость и тоска;

Когда печали, горя, бед ненастье
И блеск обманчивый земного счастья
Исчезнут утренней росой,
И смерть подкрадется с косой

И жизни краткой цвет покроет прахом!..
Спаситель мой! Тебе со страхом
Смиренно в руки предаю
Себя, и жизнь, и смерть мою.

18 августа 1893 года

Печальнъ бой часовъ надъ нами.
Онъ думы грустныя наводитъ мнѣ.
Онъ говоритъ, что каждый часъ
Къ могилѣ приближаетъ насъ...

Итакъ затѣмъ же я земнымъ пламенюсь,
За тѣнью наслажденія гоняюсь,
Въ забвеньи дни свои гублю?
Зачѣмъ въ напастяхъ я скорблю?

Когда вся жизнь моя — одно мгновенье
И призракъ мимолетный сновиденья?
Какъ вздохъ незримый вѣтерка,
Минуютъ радость и тоска;

Когда печали, горя, бѣдъ ненастье
И блескъ обманчивый земнаго счастья
Исчезнутъ утренней росой,
И смерть подкрадется съ косой,

И жизни краткой цѣпь порвавъ прахомъ!..
Спаситель мой! Тебѣ со страхомъ
Смиренно в руки предаю
Себя и жизнь и смерть мою.

18 Авг. 1893 г.

Г. Пантюхов

МОЕМУ СОБРАТУ

Эх, трудна твоя долюшка крестная,
Бедный пахарь, мой присный собрат;
Как убога-черна хата тесная,
Сколько в ней полусытых ребят!
Как плоха твоя нивка родимая,
Не удобрен пустой огород,
Как душа твоя, горем томимая,
Жаждет света!.. А где же исход
Из-под гнета? Нужда вековечная...
Но не трусь. Ведь на небе есть Бог –
И твоя ли молитва сердечная
Не слышна ему? Всякий твой вздох
Он приемлет как жертву приятную.
Видит Он, неподкупный Судья,
Твою скорбь, для людей непонятную,
И меж терний земных бытия
Возрастит он цветы несравненные:
Мир душевный, незлобие, честь;
А науки лучи вожделенные
Твоим детям помогут прочесть
В книге жизни заветы нетленные
О незыблемой мощи труда –
Эти ль вечные знаки священные
Не дадут нам благого плода?

17 июня 1898 года

В МИНУТУ ГРУСТИ

Там, где мне уснуть навеки,
Не цветет ковер лугов,
Голубой волною реки
Там не моют берегов.
Не шумит там лес зеленый,
Не лежит широкий путь
В той пустыне отдаленной,
Где навеки мне уснуть...
Дуб развесистый над кручей
Не склонился головой,
И родник струей гремучей
Там не шепчется с травой.
Там лишь воют злые бури
Над печальною сосной,
Застилая блеск лазури
Вьюги серой пеленой.
Там в могилу я сокроюсь
От озлобленных людей,
От печали успокоюсь
В недрах родины моей...
И, забытый и безродный
(Ведь мне нечего жалеть),
Средь пустыни непроходной
Одиноко буду тлеть.

8 ноября 1898 года

ГОРЬКИЕ ДУМЫ

Гнет житейских забот удручает меня...
Беднота, недостаток насущного хлеба
Не дают мне забыться, спокойно взглянуть
На свет Божий в сиянье весеннего дня,
Не дают в созерцании звездного неба,
Тихой ночи на лоне, душой отдохнуть...
Прочь, незваные гости, унынье с тоскою!
Вы – злодеи мои, не помощники мне.
Нет, не кликну я вас в горькой доле моей.
Ты, весна золотая, отрадой живою
Освежи мою грудь. Я горю как в огне.
Что молчишь, вдохновенный певец-соловей?

* * *

С жестокою своей судьбою
Я непрестанно воевал
И краткий час досуга с бою
У времени скупого брал
Для тихих дум уединенья.
И, забывая сна покой,
Слагал я песни вдохновенья
Порой полуночи глухой,
Нещадным роком в глушь загнанный
Для жизни горькой трудовой...
Вот отчего мой стих туманный
Звучит угрюмою тоской;
И отражаются в нем слезы,
И слышны – стон больной души,
Несмелые о счастье грезы;
И к свету жителя глуши
Порыв – стыдливое воззванье,
Волненья бурные страстей
И песнь любви, воспоминанье
Надежд и горя юных дней.

* * *

В ночь непогодную, в ночь непроглядную
Ветер холодный уныло гудит,
Мне навевая тоску безотрадную,
Что наболевшую грудь леденит...
Жизнь горемычная, доля суровая!
Скоро я, скоро расстанусь с тобой,
Скоро закроется крышка сосновая
Плотно навек над моей головой.
Грустно возвысится насыпь могильная
Там, где и нищий, и гордая знать,
Рабство, и власть, и богатство всесильное –
Все будут вместе равно истлевать...

5 апреля 1899 года

НА ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
(воспитанникам народной школы)

Дети! Жизнь не покой на просторе,
Но с врагами до гроба война.
Жизнь – глубокое шумное море
Борьбы; жизнь – изгнанья страна.

Это путь наш страдальческий, крестный.
Так идите же смело вперед
Жизни в путь добродетельной, честной, –
С вами ангел незримо пойдет.

Чтобы жизнь ваша стала полезной
Окружающим вас, и родным,
И чужим, и отчизне любезной
И за счастье служила самим;

Чтобы, как в небеса из кадила
Благовонный возносится дым,
Ваше сердце в любви восходило,
Пламенело пред Богом своим...

Только честная, помните строго,
Ваша жизнь – вечной жизни цена.
А распутства широка дорога,
Да в погибель приводит она.

Итак, с Богом! Дорогою крестной
С вами ангел небесный пойдет
И по терньям к отчизне небесной,
К вечной радости вас приведет.

ПОСЛЕ ЭКЗАМЕНА

Кончен экзамен. Спасибо, ребятки!
Труд наш не сгинул. Теперь по домам.
В память о школе берите тетрадки...
Слушайте, что я скажу сейчас вам:
В сердце храните вы чистое семя,
Знанья полезного будущий цвет,
Он облегчит вам житейское бремя,
Жизнь вам согреет, как солнечный свет.
Помните все, что о Боге и чести
Вам говорили, внушали не раз
В этом священном излюбленном месте –
И не забудьте, друзья мои, нас!
Чувствую, сила уж мне изменяет,
Я от трудов и скорбей изнемог.
Переступлю ли, Господь один знает,
Школы родимой я снова порог?
Будут, наверно, здесь лучше порядки,
Новый наставник ученей меня...
Только жалеть и любить вас, ребятки,
Вряд ли кто будет, как я![1]

19 мая 1900 года

[1] Псальмов не вернулся в школу в следующем учебном году: 2 октября 1900 года он умер.

РАЗДУМЬЕ

«Мне тяжело... Не стоит жить.
К чему бесцельное мученье:
Ведь дней моих гнилую нить
Могу прервать без сожаленья?!
Земное счастие – мечта;
В добро давно исчезла вера;
В душе унылой пустота;
Любовь и дружба – все химера!
Мои несмелые стопы
На трудной жизненной дороге
Встречали тернья и шипы,
Мрачили их души тревоги!»
Пусть так, но что ты насадил
В своем духовном вертограде?
На что потратил много сил,
Не помышляя о награде?
Ты, не трудившись никогда
Усердно над сердечной нивой,
Ждешь незаслуженно плода,
Как раб беспечный и ленивый!
Какой зачаток данных сил,
Тебе отмеренных нескудно,
На пользу ближнему развил?
Ты жаждешь смерти безрассудно...
Падений цепь, ошибок ряд
Твой дух коварно усыпили,
Как едкий смертоносный яд,
И жизни цель собой затмили.
Очнись и с верою живой
Внемли... Гласит Христова Книга:
«Придите, скорбные душой,
И Моего не бойтесь ига.
Оно легко. И вслед за Мной
Ступайте в путь под сенью крестной,
И обретете вы покой
В надежной пристани небесной».

9 июня 1900 года

ПРИ РАСКОПКАХ ПОКРОВСКОГО ХРАМА[1]

Разобран храм!.. Его мне жаль.
Скорблю, сдержаться не умея...
Увижу новый я едва ль:
В лампаде жизни нет елея.

Господний дом! Ребенком я
В тебе молился, а как вырос,
От всех печалей бытия
Приютом был твой ветхий клирос.

Мне были дороги всегда
О красоте твои заботы,
Как я доволен был, когда
Я понял «тон» церковной ноты...

Я ликовал, когда постиг
Искусство вычурным узором
На потолке священный стих
Украсить под твоим надзором,

Любимый пастырь! И порой
Я рисовал под трафаретом
Твои карнизы, храм святой,
И как я счастлив был при этом!

Когда ж под твой убогий кров
Я ввел любви моей святыню,
Ты звуками Христовых слов
Изрек нам мир и благостыню!

[1] В селе Васильевском вместо деревянного строился новый каменный храм, который Псальмов уже не увидел.

Я мнил, что прах холодный мой
Твоих лампад осветят блики
И на безмолвный мой покой
Твоих икон святые лики

Очами кроткими воззрят...
Увы!.. тяжелая картина:
На этих лип угрюмый ряд
Теперь глядит твоя руина...

1 сентября 1900 года

ДУХОВНИКУ О. ЗАХАРИЮ ЗЕЗЮЛИНСКОМУ[1]

Как светлый ангел-утешитель,
Сегодня рано поутру,
Престола Божьего служитель,
Предстал ты моему одру!
Моих грехов тяжелых бремя
Ты властью данной облегчил
И на мое больное темя
Символ спасенья возложил.
Хоть много говорить не в силах
Полуистлевший прах земной,
Я прочитал во взорах милых
Твою любовь. Ты предо мной
Стоял исполненный печали,
Как присный брат и добрый друг.
Поверь мне, и в небесной дали
Тебя благословит мой дух.
Прошу и заклинаю Богом:
Не забывай меня, родной,
Молись о грешнике убогом
Ты перед Жертвою святой!..
В ее печали неисходной
Моей возлюбленной жене
Будь утешителем по мне.
Пойми душою благородной:
Во мраке горьких дней моих
Путеводящею звездою
Она была – и каждый миг
Моей терзалася бедою...

[1] Стихотворение написано после причастия и соборования.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ[1]

Ангелов Боже и Господи сил!
Ум мой от страха мятется:
Жизнь мою праздно я всю погубил,
Враг надо мною смеется...
Дух мой, как древний Иов,
Страсти покрылся проказой;
Тлеет и плоть моя, духа покров,
Вся, как от грозной заразы...
Скрылись друзья. Я один –
Недуг лишь мне собеседник –
Горя земного возлюбленный сын,
Муки загробной наследник!

13 сентября 1900 года

[1] Приписка жены покойного поэта: «Мне эти звуки родные, я вижу в них истину и правду; другим они чужды, и, может быть, покажутся плохими стихами; но в когтях смерти вряд ли можно писать хорошо. Я верю, что эта многострадальная душа и теперь мучится, видя, как стражду я, как ослабли мои нравственные силы, как я из обычной труженицы обращаюсь в камень при дороге, и хуже всего, что, делая это, сознаю, что делаю – зло...»

* * *

Друзья-враги, пришла пора
Мне ваши презирать гоненья!
Простите моего пера
Для вас досадные творенья.
Благодарю за все, что вы
Мне в жизни сделали благого:
За яд убийственной молвы,
За очерняющее слово!
Теперь равны мне враг и друг:
Я скоро ухожу от света.
Болезнью пораженный слух
Не слышит лести и извета...
Но зла на вас в душе моей
Не унесу в страну покоя,
Забудьте лишь меня скорей,
Как я забуду все земное.

20 сентября 1900 года

22 СЕНТЯБРЯ 1900 ГОДА

Все хуже и хуже... и нет уже сил
Мне встать, а лежать надоело.
На жизнь я надежду давно погасил,
На мне почти нет уже тела!
Но я сознаю, что творится вокруг
И ночи от дня отличаю;
Я вижу, как горько рыдает мой друг,
Жена моя. Право, не знаю,
Чем горю ее пособить бы я мог?
И что бы сказать в утешенье?
Один Правосудный Всевидящий Бог
За эту любовь и мученье
Ей может воздать. Я спокойно иду
В загробную жизнь. Сердцем чую,
Что там я пощаду наверно найду
Чрез эту молитву святую,
Чрез слезы святые, в тоске обо мне
Что градом из глаз ее льются.
Я с нею увижусь в небесной стране,
Там вновь души наши сойдутся!

ЖНИЦЕ[1]

Когда с поля идешь утомленная,
На твоих молчаливых устах
Все улыбка горит оживленная
И приветная ласка в очах.
Вся любовь, вся полна вдохновенья,
Ты милее весеннего дня;
Ты приносишь мне горя забвенье,
В умиленье приводишь меня.
Я доволен, не надо мне лишнего.
И в убогой лачужке своей,
Осеняемый милостью Вышнего,
Я счастливее всех богачей...

? сентября 1900 года

[1] Предсмертное стихотворение Г.Е. Псальмова

ДЛЯ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

О Гервасии Псальмове можно прочитать:

1. Полное собрание сочинений Г.Е. Псальмова / Под ред Г. Е. Клочковского. Изд.1-е. – Великие Луки, 1914.

2. Яцимирский А.И. Неизвестный певец народного горя //Русская мысль. – М., 1901. – Кн. III. – С.136–141.

***

1. Павлова Л.В. Образ автора в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2012.– № 3 (19). – С. 23–31.

2. Павлова Л.В., Туберозова М.В. Сельская школа в жизни и стихах Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2013. – №1 (21).

3. Романова И.В. Синтаксический перенос в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2013. – №1 (21).

4. Степченков Л.Л. Певец народного горя // Смоленск.– 2009. – № 7(107).

5. Иеромонах Хрисанф (Шадронов) Переложения церковных песнопений в лирике Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2013. – №1 (21).

6. Иеромонах Хрисанф (Шадронов), Павлова Л.В. Жизнь и поэзия Гервасия Псальмова // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2011. – №3 (15). – С. 16–31.

7. Иеромонах Хрисанф (Шадронов), Павлова Л.В. О поэте Гервасии Псальмове // Русская филология: ученые записки кафедры истории и теории литературы Смоленского государственного университета. – Смоленск: Изд-во «Свиток», 2011. – Т.14. – С. 5–23.

ТЕ, КТО МОЖЕТ ПОМОЧЬ В СБОРЕ МАТЕРИАЛОВ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГЕРВАСИЯ ПСАЛЬМОВА, МОГУТ ОБРАТИТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

pavlar@inbox.ru – Павловой Ларисе Викторовне

istlit-1@yandex.ru – кафедра литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета (214000, Смоленск, ул. Пржевальского, дом 4)

Любая информация о самом поэте, о его жене – Надежде Вячеславовне Псальмовой, о переписке поэта с С.А. Рачинским, об издателе «Полного собрания сочинений Г.Е. Псальмова» (1914) Г.А. Клочковском, об авторе некрологов Н.М. Бантыше, об учениках Псальмова и др. будет принята с благодарностью.

Литературно-художественное издание

Гервасий Псальмов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор:

Выпускающий редактор: Флиманкова И.А.

Корректор:

Технический редактор: Алейник М.В.

ИП И.А. Флиманкова
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано в печать 23.07.2013 г.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».
Печ. л. 10 Тираж 500 экз. Заказ